

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»

Факультет иностранных языков
Кафедра английской филологии

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ТЕКСТЕ
ПЕРЕВОДА НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОЗЫ А.С. ПУШКИНА НА
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

Выпускная квалификационная работа

Выполнила:
Удалова А.Н.,
студентка 47 а группы
англо-испанского отделения
факультета иностранных языков

Научный руководитель:
Агапова С.А.,
доцент ВАК, кандидат филологических наук

Красноярск 2015

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Экспрессивность как лингвистическая категория.....	7
1.1. Стилистический аспект перевода	7
1.2. Понятие экспрессивности.....	8
1.3. Классификация языковых средств выражения экспрессивности.....	14
1.4. Основные синтаксические средства.....	17
1.5. Основные средства экспрессивного синтаксиса.....	23
1.5.1. Актуальное членение предложения.....	23
1.5.2. Эллиптические предложения.....	25
1.5.3. Парцелляция речевого потока.....	26
1.5.4. Пунктуация и фразировка речевого потока.....	29
Глава 2. Практическое исследование вопроса экспрессивного синтаксиса.....	35
2.1. Анализ основных синтаксических средств.....	35
2.2. Анализ различных способов нарушения замкнутости предложений.....	48
Вывод.....	63
Заключение.....	64
Библиографический список.....	66

Введение

Экспрессивность является в настоящее время одной из наиболее активно исследуемых лингвистических категорий. Интерес к проблеме экспрессивности объясняется вниманием к "языковой личности", а точнее, к описанию языка как средства обнаружения и вместе с тем воздействия на языковую личность, ее поведение и внутреннюю духовную деятельность. Экспрессивность выступает в тексте как средство прагматики, обнаруживая речевую стратегию автора, и становится одним из средств речевого воздействия на читателя.

Автор любого сообщения неизбежно демонстрирует свое отношение к предмету или ситуации, выражая свою мысль в языковую форму. Очень часто такое сообщение несет субъективную окраску отношения автора к тому, о чем он говорит или пишет. Поэтому экспрессия рассматривается как обнаружение индивидуальности говорящего, проявляющейся в чувствах, эмоциях и оценках субъекта. Эта авторская экспрессия отражается в речи, в языковых средствах, дополнительной целью которой может стать оказание определенного воздействия на адресата (слушателя или читателя). Экспрессивность, таким образом, выступает как феномен языковой личности и ее субъективных интенций.

Экспрессивность может передаваться на различных уровнях, лексическом и синтаксическом. Нас интересует, прежде всего, последний, а именно экспрессивный синтаксис. Расчлененность конструкций, выраженная на письме структурно-логическими знаками препинания, является той базой, на основе которой возникает экспрессивный синтаксис и экспрессивная пунктуация.

В данной работе мы старались выявить наиболее употребительные формы экспрессивного синтаксиса и особенности их перевода с русского на английский язык.

Актуальность работы определяется, прежде всего, необходимостью рассмотрения разнообразных и разноуровневых средств выражения экспрессивности в художественном тексте. Синтаксические средства экспрессивности отличаются в разных языках и могут быть трудны для восприятия иностранцами и для перевода, следовательно, актуально изучение способов перевода синтаксических средств экспрессивности.

Научная новизна работы заключается в двух аспектах: в выделении и классификации разноуровневых средств выражения экспрессивности в художественном тексте; в выявлении различных способов передачи экспрессивных синтаксических средств русского языка при переводе на английский язык.

Объект исследования составляют синтаксические средства выражения экспрессивности.

Предметом исследования в работе являются лингвистические особенности экспрессивных синтаксических средств и особенности их перевода.

Цель работы – определить, какие формы экспрессивного синтаксиса наиболее употребительны, и с помощью каких приемов осуществляется их перевод на русский язык.

Задачи исследования:

- познакомиться с понятием экспрессивности;
- выявить основные средства экспрессивного синтаксиса;
- рассмотреть приемы перевода средств экспрессивного синтаксиса на английский язык.

- сравнить особенности перевода одних и тех же средств экспрессивного синтаксиса на английский язык у двух разных переводчиков.

Материалом исследования послужили произведения Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка» и «Дубровский».

«Капитанская дочка» – это короткий исторический роман (или повесть) А. С. Пушкина, действие которого происходит во время восстания Емельяна Пугачёва. Впервые произведение было опубликовано без указания имени автора в 4-й книжке журнала «Современник», поступившей в продажу в последней декаде 1836 года [«Википедия»].

«Дубровский» – наиболее известный разбойничий роман (повесть) на русском языке, необработанное для печати (и, возможно, неоконченное) произведение А.С. Пушкина. Повествует о любви Владимира Дубровского и Марии Троекуровой – потомков двух враждующих помещичьих семейств. Первая публикация романа состоялась в 1842 году [«Википедия»].

Для сравнительного анализа было выбрано два перевода этих произведений на английский язык, авторами которых являются Наталья Даддингтон (NatalieDuddington) и Пол Дебрецени (PaulDebreczeny).

Даддингтон (Duddington) Наталия Александровна (01.11.1886, город Тверь - 04.06.1972, город Лондон), дочь Александра Ивановича Эртель, русского писателя, шурина писателя и поэта В. В. Огаркова, является переводчицей Пушкина, Гончарова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина и других русских писателей на английский язык. Вместе с родителями жила в Воронежском уезде (Хутор-на-Грязнуше, Емпелево). Окончила женскую гимназию М.Н. Стоюниной (Санкт-Петербург, 1905), Лондонский университет (1911, со степенью магистра философии). Вышла замуж за англичанина, осталась жить в Великобритании. Переводческому мастерству Даддингтон училась у К. Гарнет (Garnett), считавшейся лучшей в Англии переводчицей текстов Федора

Михайловича Достоевского и Антона Павловича Чехова. Сама Даддингтон перевела на английский язык множество произведений русской классики XIX-XX веков: «Капитанская дочка» Александра Сергеевича Пушкина (1928), «Обломов» Ивана Александровича Гончарова (1929), «Господа Головлевы» Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1931), «По ту сторону» Виктора Павловича Кина (1932), «Дым» Ивана Сергеевича Тургенева (1949), русские сказки Александра Николаевича Афанасьева (1967) и другие, а также сочинения русских религиозных философов Владимира Сергеевича Соловьева, Николая Александровича Бердяева, Николая Онуфриевича Лосского, Семёна Людвиговича Франка и других. В письмах Даддингтон, отправленных в Воронеж (1967-1971), содержится много краеведческих сведений [vrnguide.ru – интернет-сайт «Воронежский гид», Биографический словарь].

Пол Дебрецени – исследователь русской литературы, педагог. После окончания аспирантуры в Англии он переехал в Америку, где через некоторое время стал одним из основателей кафедры славянских языков и литератур в университете Северной Каролины. Среди его главных работ – две книги о Пушкине (кроме того, Пол перевел на английский том пушкинской прозы), многочисленные статьи, посвященные русской литературе девятнадцатого века. Чехов занимал особенное место в его жизни. В разные годы он написал статьи о «Доме с мезонином», «Черном монахе», «В овраге», образующие своеобразный цикл, в центре которого Чехов представляется как художник, перешагнувший границы реализма девятнадцатого века. Последней работой стала биографическая книга о Левитане, завершенная незадолго до его смерти [refdb.ru – интернет-сайт, «Чеховский вестник №23»].

Основными методами и приемами исследования являются описательный метод на основе сплошной выборки языкового материала, метод количественного подсчета, дистрибутивный метод, а также семантико-сопоставительный метод на базе анализа лексических соответствий в английском языке. В работе также используется компонентный анализ и прием стилистической характеристики.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении границы исследуемого материала за счет включения художественных текстов, стилевой спецификой которых является актуализация средств языковой выразительности, а также на основе сопоставительного анализа демонстрируются национальные особенности русской экспрессивности, намечая пути дальнейшего исследования этой актуальной проблемы. Представленные в работе классификации экспрессивных языковых средств направлены на развитие теоретической базы преподавания русского языка как

иностранного. Данное исследование также предполагает внесение дополнений в представление языковой картины мира.

Практическая значимость работы определяется тем, что материалы исследования, его основные положения и выводы могут быть использованы в практике преподавания русского языка и русского языка как иностранного; при создании методических учебных пособий по проблемам преподавания русского языка и русского языка как иностранного; в спецкурсах и спецсеминарах по лексикологии и лексикографии; при лингвистическом анализе художественного текста; при составлении словаря языка писателей, а также для составления лингвистического и лингвострановедческого комментария при издании романов Александра Сергеевича Пушкина на языке оригинала, предназначенного для англоязычных читателей.

Глава 1. Экспрессивность как лингвистическая категория

1.1. Стилистический аспект перевода

Одним из наиболее интересных аспектов теории перевода является проблема передачи стилистических приемов на принимающем языке. Данная проблема привлекает внимание ученых-лингвистов, но является недостаточно разработанной. Важность изучения перевода изобразительных средств обусловлена необходимостью адекватной передачи образной информации художественного произведения на принимающем языке, воссоздания стилистического эффекта оригинала в переводе.

Перевод - это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук. В рамках переводоведения изучаются психологические, литературоведческие, этнографические и другие стороны переводческой деятельности, а также история переводческой деятельности в той или иной стране или странах. В зависимости от предмета исследования «можно выделить психологическое переводоведение (психологию перевода), литературное переводоведение (теорию художественного или литературного перевода), этнографическое переводоведение, историческое переводоведение» [Комиссаров В.Н. Теория перевода.–М., 1990.] и т.д. Ведущее место в современном переводоведении принадлежит лингвистическому переводоведению (лингвистике перевода), изучающему перевод как лингвистическое явление. Отдельные виды переводоведения дополняют друг друга, стремясь к всестороннему описанию переводческой деятельности.

Для получения качественного перевода существуют разнообразные способы передачи стилистических приемов, использованных в оригинале для того, чтобы придать тексту большую яркость и выразительность. Варианты следующие: либо попытаться скопировать прием оригинала, либо, если это невозможно, создать в переводе собственное стилистическое средство, обладающее аналогичным эмоциональным эффектом. Это – принцип стилистической компенсации. К.И. Чуковский говорил об этом принципе, что метафору надо передавать метафорой, сравнение сравнением, а улыбку – улыбкой, слезу – слезой и т.д. [Чуковский К.И. Высокое искусство.–М., 2008.] Для переводчика важна не столько форма, сколько функция стилистического приема в тексте. Это означает определенную свободу действий: грамматические средства выразительности возможно передавать лексическими и наоборот; опустив непередаваемые на русский язык стилистические явления, переводчик компенсирует стилистические пробелы, создав в другом месте

текста – там, где это наиболее удобно – другой образ, схожий по стилистической направленности.

При переводе следует учитывать особенности языка оригинала и языка перевода. За счет разницы в грамматике и лексическом богатстве языка могут возникать достаточно сложные в плане сохранения стиля ситуации. Большое внимание следует уделять сохранению особенностей стиля конкретного автора. Исходя из того, как переданы те или иные стилистические тонкости, можно составить мнение о переводчике и качестве его работ.

1.2. Понятие экспрессивности

Экспрессивность – (от лат. *expressio* — выражение) — совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка. К фонетическим экспрессивным средствам относятся фонологически нерелевантные для данного языка изменения звуков (например, в русском языке изменение длительности, аспирация и др.), акцентные и интонационные средства. Морфологические (словообразовательные) средства включают словосложение и широкий диапазон ласкательных и уничижительных аффиксов. Лексические экспрессивные средства охватывают пласт слов, имеющих помимо своего предметно-логического значения оценочный компонент, а также междометия и усилительные частицы. Все экспрессивные средства этих уровней обладают относительно чётко выраженной положительной или отрицательной коннотацией. На синтаксическом уровне экспрессивность выражается изменением обычного порядка слов, использованием эллиптических конструкций, повторов и др.

В результате актуализации экспрессивных средств языка, сочетание и взаимодействие которых позволяет практически любой единице языка выступать в качестве носителя экспрессивности, речь приобретает экспрессию, т. е. способность выражения психического состояния говорящего.

В коммуникативном акте параллельно с языковыми экспрессивными средствами используются многочисленные паралингвистические средства (громкость и тембр голоса, темп речи, мимика, жесты), способствующие усилению экспрессии речи.

Экспрессивность как одно из свойств языковой единицы тесно связана с категорией эмоциональной оценки и в целом с выражением эмоций у человека. Генетически многие закреплённые системой языка экспрессивные средства,

включая тропы и фигуры речи, а также приёмы построения стиха восходят к особенностям оформления высказывания в эмоционально окрашенной (аффективной) речи. Этим объясняется и сходство арсенала экспрессивных средств и принципов их функционирования в языках разных систем. Характерно, что в работах ряда лингвистов категории экспрессивности и эмоциональности отождествляются.

Различие функционального использования экспрессивных языковых средств в многообразии видов общественно-речевой практики затрудняет их строгую классификацию по единому признаку, что особенно заметно при переходе от экспрессивной лексики к экспрессивному синтаксису. Изучение экспрессивных средств конкретных языков, как правило, входит в соответствующие разделы фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики этих языков. [ЛЭС, Главный редактор В.Н. Ярцева. – М., 1990.]

В некоторых источниках «эмоциональность» упоминается как синоним «экспрессивности», следовательно, понятия «экспрессивность» и «эмоциональность» («эмотивность») не являются терминами в строгом научном понимании и не определены окончательно, поэтому мы считаем необходимым уделить внимание этому вопросу. Исследованием проблемы эмоциональности и экспрессивности занимались многие лингвисты, такие, как В.В. Виноградов, Е.М. Галкина-Федорук, В.И. Шаховский, Т.В. Матвеева, С.В. Ионова и др. Рассмотрим некоторые основные подходы к изучению данной научной проблемы.

В.В. Виноградов в своей книге «Русский язык», рассматривая проблему лексической экспрессивности, отмечает в первую очередь крайнюю субъективность этой категории, и пишет, что «слово переливает экспрессивными красками социальной среды. Отражая личность (индивидуальную или коллективную) субъекта речи, характеризуя его оценку действительности, оно квалифицирует его как представителя той или иной общественной группы. Этот круг оттенков, выражаемых словом, называется экспрессией слова, его экспрессивными формами. Экспрессия всегда субъективна, характерна и лична – от самого мимолетного до самого устойчивого, от взволнованности мгновения до постоянства не только лица, ближайшей его среды, класса, но и эпохи, народа, культуры».[Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1986.] Следовательно, экспрессивность представляется как социально маркированная, субъективная, эмоционально-оценочная категория.

Виноградов также указывает на связь экспрессивности и контекста. Коннотативная часть значения, в которую входит экспрессивный компонент, может приобретать различные окраски в зависимости от контекста. При этом

«предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста». [Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1986.] Реализация экспрессии непосредственно в речи также очень важна: «Выразительная сила присуща звукам слова и их различным сочетаниям, морфемам и их комбинациям, лексическим значениям. Слова находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью». [Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1986.]

Слово является одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психологических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения.

В.В. Виноградов рассматривает лексическую экспрессивность как компонент коннотативного значения слова, который может зависеть как от контекста, так и от грамматических средств. При этом отмечают экспрессивные морфемы: «экспрессивные краски облекают значение слова, они могут сгущаться под влиянием эмоциональных суффиксов. Экспрессивные оттенки присущи грамматическим категориям и формам. Они резко выступают и в звуковом облике слов, и в интонации речи». [Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1986.]

Например, экспрессивное напряжение слова с использованием осложненных суффиксальных образований. У Вельтмана: «Слуги жили свинтусами, ходили замарантусами» («Приключения, почерпнутые из моря житейского»); у Д.И. Писарева в статье «Генрих Гейне»: «На развалинах старого феодализма утвердилась новая плутократия, и бароны финансового мира, банкиры, негоцианты, фабриканты и всякие надуванты вовсе не были расположены делиться с народом выгодами своего положения».

Экспрессивная насыщенность выражения зависит от его значения, от внушительности его внутренней формы, от степени его смысловой активности в общей духовной атмосфере данной среды и данного времени.

Виноградов разграничивает интеллектуальное и эмоциональное в языке, отмечая, что «тенденция экспрессивная обогащает язык конкретными элементами, продуктами аффектов и субъективизма говорящего; она создает новые слова и выражения; тенденция интеллектуальная, аналитическая устраняет эмоциональные элементы, создает из части их формальные принадлежности». [Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1986.] Таким образом, мы видим, что экспрессия приравнивается к эмоциональности, а логика и аналитика противопоставляются им, они являются основами, например, научного и официально-делового стилей речи.

Но эмоциональность и интеллектуальность практически не встречаются в чистом виде. «В самих грамматических, особенно синтаксических, категориях

также заложены яркие средства экспрессивного выражения. Достаточно напомнить о тех тонких экспрессивных красках и нюансах, которые создаются употреблением - прямым и переносным - глагольных категорий времени, наклонения, лица или таких общих грамматических категорий, как род и число». [Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1986.] Без экспрессивности язык был бы абсолютно невыразительным и был бы не способным реализовать многие свои функции. «Логический идеал всякой грамматики - это иметь одно выражение для каждой отдельной функции и только одну функцию для каждого выражения. Если бы этот идеал был осуществлен, язык имел бы такие же точные очертания, как алгебра... Но фразы – не алгебраические формулы. Аффективный элемент обволакивает и окрашивает логическое выражение мысли». [Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1986.] Самое сильное присутствие эмоционального и практически полное отсутствие интеллектуального в языке при этом проявляется в междометиях.

Стилистическая характеристика слова включает все его значения, и денотативные, и коннотативные, и реальные и потенциальные. В стилистической оценке выступает «новая сфера смысловых оттенков слов, связанных с их индивидуальным «паспортом». Стилистическая сущность слова определяется его индивидуальным положением в семантической системе языка, в кругу его функциональных и жанровых разновидностей (письменный язык, устный язык, их типы, язык художественной литературы и т.п.)». Язык представляет собой динамическую систему семантических закономерностей, которыми определяются соотношения и связи словесных форм и значений в разных стилях этого языка. И в этой системе смысловых соотношений функции и возможности разных категорий слов более или менее очерчены и индивидуализированы.

Индивидуальная характеристика слова зависит от предшествующей речевой традиции и от современного соотношения смысловых элементов в языковой системе и в ее стилевых разновидностях.

В этом плане слова и их формы могут получать новые квалификации, подвергаются новой группировке, новой дифференциации, распадаясь на будничные, торжественные, поэтические, прозаические, архаические и т.п. Эта стилистическая классификация слов обусловлена не только индивидуальным положением слова или соответствующего ряда слов в семантической системе литературного языка в целом, но и функциями слова в структуре активных и живых разновидностей, типов этого языка. Развитый литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотносенных друг с другом.

Следует отметить, что периоды развития языка не сменяются поочередно, но каждый период создает что-то новое, то, что при незаметном переходе в следующий период составляет основу для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями; применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения. Эти различные лексические и грамматические слои в каждой системе языка также подвергаются переоценке и приспособляются к живой структуре литературных стилей. Понятно, что стилистическую переквалификацию проходят и лежащие за пределами литературного языка разные диалектные пласты речи. Конечно, указанием всех этих функций и оттенков смысловая структура слова не исчерпывается. Так, не приняты в расчет «приращения смысла», которые возникают у слова в композиции сложного целого (монолога, литературного произведения, бытового диалога) или в индивидуальном применении, в зависимости от ситуации.

Экспрессивная, или прагматическая функция языка занимает важное место в иерархии всех функций языка. Т.В. Матвеева продолжает мысль В.В. Виноградова и говорит о том, что «экспрессивность действует на всех языковых уровнях и характеризуется наличием единиц, специально предназначенных для ее реализации». [Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. – Свердловск, 1986.] Для нее лексическое значение экспрессивного слова всегда шире, чем значение соответствующего нейтрального аналога, и особенности экспрессивной семантики определяются тем остатком, который получается за вычетом из значения экспрессивной единицы ее объективно-понятийной части. Основная и необязательная часть лексического значения, связанная с реализацией понятийной функции языка, носит название денотативного компонента. Денотативный компонент лексического значения – это объективно-понятийное (в иной терминологии: предметно-понятийное, вещественное, логическое) содержание слова, представляющее собой единство грамматических, лексико-грамматических, категориально-лексических, дифференциальных и потенциальных сем, связанных между собой отношениями уточнения.

Дополнительная и необязательная часть лексического значения, связанная с реализацией прагматической, или экспрессивной функции языка, – это его коннотативный компонент, или коннотация. Коннотативный компонент представляет собой субъектно-оценочное содержание слова, составляющее специфику экспрессивных лексических единиц.

Двухчастная структура лексического значения – это условие существования экспрессива, его обязательный признак. При этом семантический центр тяжести в экспрессивном слове падает на коннотативную часть.

«Слово одновременно является и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерения сообщения». [Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. – Свердловск, 1986.] Но характер языковых явлений, связанных с передачей психических состояний, эмоциональных переживаний, волевых побуждений различен. В частности, в слове может передаваться информация о чувстве и может выражаться чувство. Семантика чувства может быть языковой, а может возникать только в речи. Например, наиболее непосредственное обозначение чувств, эмоций в лексике осуществляется с помощью эмоциональных междометий. Они не информируют об эмоции, а непосредственно выражают ее. Эмоциональное значение здесь самостоятельно, оно составляет денотативное содержание междометия. Этому сравнительно небольшому разряду слов противостоит основная масса лексических единиц. Это как слова с понятийным значением, так и слова, обозначающие эмоции (например, слова «нежность», «любить», «восхищаться», «презрение»). Такие единицы лишь содержат понятие об эмоциях, которое составляет их денотативное значение, но не выражают этих эмоций. Мысль же об эмоции и сама эмоция – разные явления, следовательно, эмоциональной можно считать лишь ту лексику, в которой находит выражение эмоция, чувство.

Эмоциональный компонент лексического значения экспрессивного слова – это выражение эмоционального отношения субъекта квалификации к объекту квалификации.

В структуре лексического значения экспрессивного слова эмоционально-оценочный компонент составляет часть коннотации. Следует заметить, что выделить этот компонент в лексическом значении экспрессива гораздо труднее, чем параметрически-оценочный. Параметрически-оценочное значение выявляется, в основном, на основе парадигматических противопоставлений, в которых участвует интересующее нас слово, т.е. по методу компонентного анализа. Эмоциональная же семантика накладывается на понятийную, часто относится ко всему понятийному значению в целом, выражается более всего языковыми средствами, которые отсутствуют в изолированно взятом слове. Для ее выявления необходим комплексный подход, использование ряда методов, дополняющих друг друга, в числе которых важное место занимает контекстный анализ.

Итак, экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка. Все экспрессивные средства этих уровней обладают относительно четко выраженной положительной или отрицательной коннотацией.

Следовательно, экспрессивность – это способ выражения психического состояния говорящего. Она тесно связана с категорией эмоциональной оценки, а также с выражением эмоций человека в целом. Считается, что генетически многие экспрессивные средства, в том числе тропы и фигуры речи восходят к особенностям построения высказывания в эмоционально окрашенной (аффективной) речи. Понятие «экспрессивного» остается самым общим выражением особого качества единиц, связанного с их «установкой на выражение», со всяким усиленным или необычным выражением мысли, чувства и воли в речи. Наиболее сильным и всегда достаточным компонентом для создания экспрессивности является эмоциональность. Эмоциональный компонент значения понимается как дополнительное к основному – предметно-логическому – значению слова, выражающему эмоцию (гнев, радость, страх, удивление и др.), связанную с понятием, заключенным в слове.

1.3. Классификация языковых средств выражения экспрессивности

В.И. Шаховский, Е.М. Галкина-Федорук и Т.В. Матвеева определяют «экспрессивность» как свойство определенной совокупности языковых единиц, обеспечивающее их способность передавать субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи, а также совокупность качеств речи или текста, организованных на основе таких языковых единиц.

В основе явления экспрессивности лежат несколько групп психологических закономерностей, касающихся, с одной стороны, выражения эмоций и чувств, а с другой – восприятия (сюда относится, прежде всего, противопоставление фигуры и фона как одно из главных условий восприятия). Лингвистическим механизмом экспрессивности является, главным образом, отклонение от стереотипов в использовании языковых единиц различных уровней.

На возникновение экспрессивности как характеристики речи или текста влияют свойства коммуникативной ситуации: намерения говорящего/пишущего, презумпции читателя/слушателя (т.е. исходные знания и представления, с которыми он вступает в коммуникацию), а также лингвистический и экстралингвистический (социальный) контекст коммуникативного акта.

Единицы языка подразделяются на системно-языковые носители экспрессивности и системно-нейтральные единицы (т.е. слова и выражения, которые сами по себе не являются носителями экспрессивности, но могут брать

на себя эту функцию при определенных условиях). При этом в создании экспрессивности речи или текста ведущую роль играют не столько заложенный в системе экспрессивный потенциал языковой единицы соответствующего уровня, сколько характеристики коммуникативной ситуации, прежде всего контекст. Несовпадение интенций говорящего/пишущего и презумпций читателя/слушателя также может выступать дополнительным средством увеличения экспрессивности.

Итак, в зависимости от характера используемых в коммуникативном акте языковых единиц и характеристик коммуникативной ситуации можно выделить следующие четыре типа реализации экспрессивности:

а) системно-языковые носители экспрессивности употребляются в экспрессивном контексте – реализуется внутрисистемная (или ингерентная, словарная, парадигматическая, фондовая) экспрессивность; «Теперь ваша душенька чиста и невинна. - Да черта с два!» (Н.А. Тэффи.«Покаянное»)

б) системно-нейтральные единицы приобретают свойство экспрессивности в экспрессивном контексте – реализуется контекстуальная (или адгерентная синтагматическая, приобретенная) экспрессивность; Например: «...Королева моя французская, ведь я и ему намазала лысину, и ему!» (М.А. Булгаков.«Мастер и Маргарита»).

в) системно-языковые носители экспрессивности употребляются в нейтральном контексте – происходит контекстуальная утрата экспрессивности (или псевдоэкспрессивность). Например: «Итак, из сказанного выше мы можем сделать вывод, что слова «балдеть» и «тащиться» относятся к сниженному стилю речи и экспрессивны».

г) системно-нейтральные единицы употребляются в нейтральном контексте – реализуется нулевая экспрессивность. Например: «Сегодня холодно. Думаю, будет дождь»

Границы между перечисленными случаями не являются жесткими. Так, многократное использование системно-нейтральных единиц в экспрессивном контексте может приводить к тому, что они становятся системно-экспрессивными.

Экспрессивность связана с рядом лингвистических категорий столь же сложной и многоуровневой природы, как и она сама. Наиболее тесна взаимосвязь экспрессивности с эмоциональностью; иногда даже эти понятия используются как синонимы или их разграничение представляется непринципиальным. [Ахманова О.С. Русско-английский словарь. – М., 1947.; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М., 1965.; Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М., 1962.] Между тем эти две категории находятся в отношении пересечения: общую часть их содержания составляет

широкий спектр эмоциональной экспрессивности, а непересекающимися сферами являются компоненты денотативного содержания, связанные с передачей эмоций, с одной стороны, и неэмоциональная, «логическая» экспрессивность – с другой. Экспрессивность связана также с акцентностью и интенсификацией, оценочностью, персуазивностью (способностью выражения оказывать воздействие на читателя/слушателя), с образностью и изобразительностью.

Общей задачей экспрессивности является выражение или стимуляция субъективного отношения к сказанному. Со стороны говорящего/пишущего это – усиление, выделение, акцентирование высказывания, отступление от речевого стандарта, нормы, выражение чувств, эмоций и настроений, наделение высказывания эмоциональной силой, оценивание, достижение образности и создание эстетического эффекта. Со стороны читателя/слушателя это – удержание и усиление внимания, повышение рефлексии, возникновение эмоций и чувств.

Степень экспрессивности (иногда отождествляемая со степенью интенсивности) служит одним из различительных признаков для функциональных разновидностей языка. К функциональным разновидностям, отличающимся высокой экспрессивностью, относятся язык художественной литературы, разговорная речь и публицистика, а также язык рекламы. К функциональным разновидностям, отличающимся низкой экспрессивностью, относятся язык науки и техники, а также официально-деловой язык.

Системно-языковые (или парадигматические) средства выражения экспрессивности встречаются на всех уровнях языка. К фонологическим и просодическим средствам достижения экспрессивности относятся, в частности, длительность звука (Отпусти-ите!), звукопись (Дзынь! - тихо звякнул телефон) и аллитерация (четыре черненьких чумазеньких чертенка), акцентирование (Та́к поступать - справедливо?!Тщательнее надо, ребята), специальные ритмико-интонационные конструкции и др. Использование большинства этих средств может отражаться на письме. Иногда в письменной речи графические и параграфемные знаки являются основными носителями экспрессивности. Ритмика как носитель экспрессивности особенно широко представлена в идиомах и стихотворных произведениях (Кончил дело - гуляй смело).

В число морфологических средств внутриязыковой экспрессивности входит широкий арсенал экспрессивных морфем, прежде всего диминутивных (уменьшительных, ласкательных) и аугментативных (увеличительных, огрубляющих) суффиксов – соответственно, суффиксы -к-, -ик-, -ишк-, -ечк-, -очк-, -чок-, -ул"-, -ус"- и суффиксы -ил-, -ин-, -ищ-, -ух-, -ох-, -ях- и др. Безаффиксные способы словообразования тоже могут создавать эффект

экспрессивности – как, например, в отглагольных существительных топ, хлоп, шлеп.

Лексические носители экспрессивности включают различные группы экспрессивной лексики, а также тропы (метафору, метонимию, гиперболу, литоту и др.). Некоторые из экспрессивных лексем имеют однословные нейтральные (стилистически не окрашенные) соответствия, некоторым соответствуют нейтральные описательные выражения из нескольких слов (нести́сь – бежать, работяга– рабочий, но тараторить – очень быстро говорить). На лексическом уровне разграничивается количественная (крохотный, толстенный) и качественная (балда, драндулет, швырять) экспрессивность.

Синтаксические средства экспрессивности включают типизированные модификации строевых синтаксических единиц, обладающие экспрессивным значением. Это – амплификация, бессоюзие и многосоюзие, изменение порядка слов, параллельные синтаксические конструкции, синтаксические повторы, эллипсис и др. Особую группу типизированных модификаций составляют риторические фигуры (анаподотон, анжамбеман, гомеотелевтон, зевгма, хиазм, эналлага, эпимона и др.) и некоторые нарушения синтаксического строя (апозиопеза– обрыв и анаколупф).

Носителями экспрессивности могут быть также единицы структуры текста. Это варьирование формы повествования (от первого лица, безличное повествование и др.), анафорика, параллелизм структуры разных частей текста и др.

Наряду с системно-языковыми для создания экспрессивности используются паралингвистические средства: мимика и пантомимика (жестикуляция), громкость и тембр голоса в устной речи и иконические средства (пиктограммы, рисунки) в письменных текстах.

1.4. Основные синтаксические средства

Ниже представлены наиболее часто употребительные синтаксические приемы экспрессивной речи.

Риторические восклицания заключают в себе особую экспрессию, усиливают напряжённость речи, повышают эмоциональность высказывания, привлекают внимание читателя к определённым частям текста; «Пышный! Ему нет равной реки в мире!» (о Днепре) (Гоголь).

Риторический вопрос содержит утверждение или отрицание, оформленное в виде вопроса, не требующего ответа. Придает речи яркость, разнообразие эмоционально-экспрессивных оттенков. Может быть использован в разговорной речи, в публицистической и научной прозе.

«Что тревожишь ты меня?»

Что ты знаешь, скучный шёпот?..

От меня чего ты хочешь?

Ты зовёшь или пророчишь?»

(Пушкин)

Параллелизм – это одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи.

«В синем небе звёзды блещут,

В синем море волны плещут.»

(Пушкин)

Синтаксический параллелизм усиливает риторические вопросы: «Когда человек действительно любит, разве он может грациозничать? Разве может думать о мелочах внешнего изящества? Разве настоящая любовь колеблется? Разве она нуждается в каких-нибудь внешних пособиях места, времени, минутного расположения?». (А.Ф. Писемский)

Анафора представляет собой повторение слов или словосочетаний в начале предложений, стихотворных строк или строф (единоначатие). Усиливает выразительность речи, логическое выделение.

«Только в мире и есть, что тенистый

Дремлющих клёнов шатёр.

Только в мире и есть, что лучистый

Детски задумчивый взор.»

(Фет)

Эпифора заключается в повторении слова или словосочетания в конце стихотворной строки, усиливает интонации, оттенки звучащей речи.

«Отчего прослыл я шарлатаном?

Отчего прослыл я скандалистом?

Прояснилась омут в сердце мглистом.

Оттого прослыл я шарлатаном,

Оттого прослыл я скандалистом.»

(Есенин)

Автор может отчасти обновлять лексику эпифоры, варьировать ее содержание, сохраняя при этом внешнее подобие высказывания.

«Зачем уничтожать самостоятельное развитие дитя, насилуя его природу, убивая в нем веру в себя и заставляя его делать только то, что я хочу, и только так, как я хочу, и только потому, что я хочу?» (Н.А. Добролюбов)

Репризой, или повтором, называется фигура речи, которая состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда: «Бьют, бьют барабаны! Слава героям! Слава!».

Инверсия является изменением обычного порядка слов и словосочетаний, составляющих предложение, с целью усилить выразительность речи. Придаёт фразе новый выразительный оттенок.

«...где глаз людей обрывается куцый.»

(Маяковский)

«Швейцара мимо он стрелой

Взлетел по мраморным ступеням.»

(Пушкин)

Эллипс – это пропуск элемента высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации. Придаёт высказыванию динамичность, интонацию живой речи.

«Мы сёла — в пепел, грады — в прах,

В мечи — серпы и плуги.»

(Жуковский)

Умолчание – фигура, представляющая возможность догадываться и размышлять, о чём могла бы пойти речь во внезапно прерванном высказывании. Пробуждает глубокие мысли и чувства, часто используется в прямой речи.

«Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,

Тысячелетней рабской нищеты.

Но этот крест, но этот ковшик белый...

Смиренные родимые черты!»

(Бунин)

К синтаксическим средствам экспрессивности относятся также различные способы нарушения замкнутости предложений:

Смещение синтаксических конструкций представляет собой явление, когда конец предложения даётся в ином синтаксическом плане, что придает речи прерывистость, выражает волнение говорящего.

«Но те, которым в дружной встрече

Я строфы первые читал...

Иных уж нет, а те далече...»

(Пушкин)

Присоединительные конструкции используются тогда, когда фразы не умещаются в одну смысловую плоскость, образуя ассоциативную цепь. Это придаёт выразительность высказыванию, отрезки текста становятся эмоционально насыщенными и яркими.

«Есть у каждого города возраст и голос,

Есть одежда своя и особенно запах.

И лицо. И не сразу понятная гордость.»

(Рождественский)

Именительные представления (изолированный номинатив) называют тему последней фразы. Призваны вызывать особый интерес к предмету высказывания, усиливают звучание.

«Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось...»

(Пушкин)

Парцелляция – деление предложения на отдельные сегменты (слова). Логическое ударение на каждом слове придаёт им особую силу, выразительность.

«И снова Гулливер. Стоит. Сутулясь.»

(Антокольский)

Период представляет собой гармоническую по форме сложную синтаксическую конструкцию, которая характеризуется особой ритмичностью и упорядоченностью частей, а также исключительной полнотой и завершённостью содержания. Существует две взаимно уравновешенные части в периоде:

- повышение интонации;
- понижение интонации.

Это определяет гармоничность и интонационную завершённость периода. Основные положения в периоде позволяют осмыслить текст с разных сторон, оценить разнообразие оттенков:

«Когда волнуется желтеющая нива...»

(Лермонтов)

«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

(Пушкин)

Чаще всего период строится как сложноподчиненное предложение с однородными придаточными, которые стоят вначале. Например: «Когда он в первый день, встав рано утром, вышел на заре из балагана и увидел сначала темные купола, кресты Новодевичьего монастыря, увидел морозную росу на пыльной траве, увидал холмы Воробьевых гор и извивающийся над рекой и скрывающийся в лиловой дали лесистый берег, когда ощутил прикосновение свежего воздуха и услышал звуки летевших из Москвы через поле галок, и когда потом вдруг брызнуло светом с востока, и торжественно выплыл край солнца из-за тучи, и купола, и кресты, и роса, и даль, и река, – все заиграло в радостном свете, – Пьер почувствовал новое, неиспытанное чувство радости и крепости жизни». (Л.Н. Толстой)

Полисиндетон, или многосоюзиe, служит для интонационного и логического подчёркивания выделяемых предметов. Повторяются обычно сочинительные, соединительные союзы «и», «ни»:

«Перед глазами ходил океан, и колыхался, и гремел, и сверкал, и угасал, и уходил куда-то в бесконечность...» (В.Г. Короленко)

«Был тиф, и лёд, и голод, и блокада.

Всё кончилось: патроны, уголь, хлеб.»

(Шенгелая)

Асиндетон, или бессоюзиe, придает речи стремительность, динамичность, насыщенность впечатлений.

«Швед, русский —

Колет, рубит, режет...»

(Пушкин)

Многосоюзиe и бессоюзиe могут употребляться в близком контексте и придают большую выразительность речи и тексту.

Градация заключается в таком расположении слов, словосочетаний, либо частей сложного предложения, при котором каждое последующее усиливает или ослабляет значение предыдущего, придает нарастающую интонацию и эмоциональную напряжённость речи:

«Осенью ковыльные степи совершенно изменяются и получают свой особый, самобытный, ни с чем не сходный вид». (Аксаков)

К синтаксическим средствам создания экспрессии также относят обращения, вводные конструкции, прямую, несобственно-прямую речь, многие односоставные и неполные предложения и другие.

Язык в своей коммуникативной функции служит человеку не только для выражения мысли, но и для выражения его субъективного отношения к высказываемому – чувств, воли, оценки и т.п., ибо эмоции, воля, оценки, желания – неотъемлемые факторы в познании человеком действительности. «Стремления, желания, эмоции и чувства возникают в силу, того, что отражаемые нами предметы и явления действительности затрагивают наши потребности и интересы и выражают нашу связь с миром, нашу привязанность и тягу к нему... Вещи и явления действительности, таким образом, изначально причастны к самому возникновению психических явлений, которые они и отражают». [Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – 2009.]

Человеческая мысль, совершаясь на базе языка, оформляется в речи. Речь – это, как известно, и речевая деятельность и речевое образование – текст (его устная и письменная формы), который в результате действия экспрессивной функции языка по-разному экспрессивно окрашен. Экспрессивная функция

языка – это, следовательно, способность выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности. Одним из важнейших элементов выражения экспрессивности является экспрессивный синтаксис.

Проблемы экспрессивного синтаксиса приобретают в современной лингвистике всё большую актуальность. Это связано с интенсивным изучением структуры текста, языковой личности как субъекта речевой деятельности, ее прагматических аспектов разговорной, устно-диалогической речи, взаимоотношения говорящего и адресата, звуковых средств усиления выразительности речи и усиления ее воздействия на воспринимающего.

На важность изучения экспрессивного синтаксиса указывали многие известные лингвисты. Академик В.В. Виноградов в круг необходимых исследований по стилистическому синтаксису включал «проблему экспрессивных – выразительных, изобразительных – оттенков, присущих той или иной синтаксической конструкции или тем или иным комбинациям синтаксических конструкций».[Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. – М., 1958]

Говоря об экспрессивном синтаксисе, обычно данный термин уточняют словом «стилистический» – «экспрессивный (стилистический) синтаксис», подчеркивая тем самым его принадлежность к категориальному аппарату стилистики. Однако, будет правомерным термином «экспрессивный синтаксис» обозначить учение о построении выразительной речи, предметом изучения которого являются лингвистические основы экспрессивной речи, термин же «стилистический синтаксис» отнести к метаязыку стилистики, потому что, как известно, стилистический прием всегда является обнаружением потенциальных выразительных возможностей определенных средств общенародного языка [Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – 2009].

В публикациях Э.М. Береговской экспрессивные синтаксические конструкции противопоставляются конструкциям, находящимся в состоянии синтаксического покоя, при этом экспрессивность определяется как «свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказывания сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы». [Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису.– М., 2004.] В качестве проблем, которыми занимается экспрессивный синтаксис, автор рассматривает длину предложения, стилистическую роль абзаца и сложного синтаксического целого, аффективный потенциал пунктуации, экспрессивный синтаксис как составляющую индивидуального стиля, синтаксические фигуры и их стилистические функции.

Как известно перевод различных стилистических приемов и экспрессивных средств, несущих образный заряд произведения, часто вызывает затруднения у переводчиков из-за национальных особенностей стилистических систем разных языков. Многие лингвисты подчеркивают необходимость сохранения образа оригинала в переводе, справедливо считая, что, прежде всего переводчик должен стремиться воспроизвести функцию приема, а не сам прием.

При передаче экспрессивных средств переводчику каждый раз нужно решить: целесообразно сохранить лежащий в их основе образ или в переводе его следует заменить другим. Причиной замены могут быть особенности словоупотребления, сочетаемости слов и т.п. языка перевода. Перевод средств экспрессивного синтаксиса представляется достаточно сложной задачей, так как требует повышенного внимания для выделения его элементов в тексте. Кроме того, перевод экспрессивного синтаксиса не может осуществляться механически и требует творческого подхода и владения всем арсеналом переводческих приемов.

1.5. Основные средства экспрессивного синтаксиса

1.5.1. Актуальное членение предложения

Известно, что номинативные составляющие (словосочетания) сами по себе не могут служить подлинными носителями смысловой информации в конкретном акте общения. Они становятся таковыми, лишь поступая в распоряжение «динамического синтаксиса». В этом случае, мы имеем дело с актуальным членением, функциональной перспективой высказывания.

На уровне динамического синтаксиса на первый план выступает текст, представляющий собой более или менее сложное высказывание, соотношенное с действительностью.

Отнесенность информации, заключенной в предложении, к действительности актуализирует каждое предложение в тексте (речи), создает тем самым высказывание. Отнесенность к действительности – признак, характерный для любого текста. Этот признак, наблюдаемый советскими лингвистами вначале на уровне предложения, лег в основу учения о категории предикативности. В.В. Виноградов писал: «...значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности».[Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. – М., 1958]

Следовательно, отнесенность содержания текста к действительности опирается на предикативность предложений. Грамматическим выражением ее служат категории времени, модальности, лица.

Всякое высказывание включает в себя, как правило, факты, информацию, известные слушателю, и то новое, во имя чего и осуществляется коммуникация. Предварительная информированность слушателя создается как предтекстом, так и предшествующими знаниями о предмете или явлении.

Актуальное членение обычно разделяет определенный отрезок текста, например, предложение, на два информативных элемента: тему (известное) и рему (новое). Такое членение может совпадать с синтаксическим членением на подлежащее и сказуемое, однако, это бывает не всегда. Языковыми средствами актуального членения обычно выступают: просодические (интонация), синтаксические (порядок слов) и лексические средства (артиклы, местоимения, наречия и др.). Противопоставление: тема – рема (или экспрессивный вариант порядка их следования: рема – тема) осуществляется в устной речи с помощью предизирующей паузы как главного просодического средства выражения предикативной связи. [Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис.–М., 1976.]

Предизирующая пауза приобретает особое значение там, где без нее трудно было бы понять смысл высказывания: она сигнализирует конец предыдущей и начало последующей, коммуникативно наиболее важной части высказывания, т.е. выполняет смыслоразличительную функцию.

В процессе высказывания актуальное членение может изменяться (именно этот фактор особенно важен для плана выражения динамического синтаксиса). При подобном изменении говорящий не свободен в выборе позиции предизирующей паузы. Он вводит ее там, где этого требует структура высказывания и общие цели коммуникации, в том числе и экспрессивные.

В сочетании с предизирующей паузой как средством актуального членения могут выступать и синтаксические средства. Например, изменение порядка слов в целях экспрессивности (в нейтральном предложении тема обычно предшествует реме), а именно, вынесение ремы в начальную позицию.

Для английского языка существуют определенные средства, дающие возможность сигнализировать «актуальное членение» предложения в тех случаях, когда оно не совпадает с синтаксическим членением предложения, например, порядок слов, артикли, частицы, интонационное выделение, особые конструкции. Во многих случаях отклонение от обычного порядка слов в английском предложении (подлежащее – сказуемое) объясняется именно потребностями выражения «актуального членения» предложения.

Средством рематизации может выступать существительное с неопределенным артиклем. В случае если подлежащее или ядро подлежащего употребляется с неопределенным или нулевым артиклем, то обычно это подлежащее является выразителем логического предиката суждения.

Для изменения структуры предложения с целью постановки на последнее место слова, выражающего ремю, могут использоваться в начальной позиции выделительные обстоятельственные слова. Носителями ремы могут быть придаточные предложения.

Актуальное членение является важным элементом экспрессивного синтаксиса, который позволяет более четко определять смысловые границы высказывания, и вносить разнообразие в письменную и устную речь.

1.5.2. Эллиптические предложения

Эллиптическое предложение – это предложение, характеризующееся неполнотой грамматической структуры или неполнотой состава, вследствие того, что в нем отсутствует один или несколько членов (главных или второстепенных), ясных из контекста или из ситуации. [Розенталь Д.Э. Словарь лингвистических терминов.–М., 1976.]

Согласно Л.С. Бархударову эллиптические предложения делятся на следующие группы:

- эллипс восстанавливается из того же предложения;
- эллипс восстанавливается из предшествующего предложения. Это может быть предложение, произнесенное тем же говорящим лицом (или находящееся в пределах речи одного автора);
- предложение, из которого восстанавливается эллипс, может также произноситься другим говорящим лицом (участником диалога);
- эллипс восстанавливается из последующего предложения. Это более редкий случай. [Бархударов Л.С. Грамматика английского языка.–М., 1975.]

В целом изучение синтагматически восполняемых эллиптических предложений представляет большой интерес в первую очередь для стилистики, исследующей взаимоотношения между предложениями в строе связного речевого произведения.

Для восстановления эллипса необязательно, чтобы представленное нулевым вариантом в эллиптическом предложении слово было бы эксплицитно выражено в окружающем контексте именно в той же самой форме, в которой оно должно употребляться в эллиптическом предложении.

Иногда представленные нулевым вариантом слова эллиптического предложения не могут быть восстановлены из окружающего контекста, но требуют для своей экспликации обращения к другим аналогичным конструкциям, встречающимся в языке, хотя и не зарегистрированным в непосредственном контекстуальном окружении данного эллиптического предложения. К таким конструкциям относятся побудительные предложения, парадигматически восполняемый эллипс.

1.5.3. Парцелляция речевого потока

Явление парцелляции относится к языковым универсалиям. Оно исследовалось на материале различных языков. В связи с изучением текста, способов его членения и организации проблема парцелляции стала одной из актуальных в исследовании синтаксиса.

Термин «парцелляция» восходит к французскому слову *parceler*, что значит «делить, дробить на части», он применяется для обозначения способа членения текста. Как известно, парцелляция относится к области экспрессивного синтаксиса.

Парцелляция не имеет в лингвистической литературе полного и однозначного определения, что, несомненно, связано с многоплановостью самого явления парцелляции, с различием подходов к ее исследованию.

Сущность парцелляции, по мнению Е.А. Иванчиковой, состоит в расчленении синтаксически связного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки, причем Е.А. Иванчикова, считая парцелляцию приемом экспрессивного синтаксиса, относит его лишь к сфере письменного литературного языка. [Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции. – М., 2010.]

В.Н. Стрельщиков считает парцелляцию синтактико-стилистическим вариантом полного предложения, возникшим как результат его синтаксического преобразования. [Стрельщиков С.Г. Явление парцелляции в английском языке. – М., 1980.]

Исследование этого явления идет в основном по двум линиям:

Языковеды, изучающие парцелляцию в структурно-семантическом плане, обращают внимание, как правило, на особенности парцеллированных конструкций с точки зрения позиции и средств связи парцеллятов с базовой частью, большей или меньшей степени их семантической спаянности, с точки зрения состава и синтаксического статуса парцеллятов.

Т.е. явление парцелляции – это интонационное – а очень часто и позиционное – вычленение словоформы или словосочетания, при котором этот отчлененный и вынесенный в конец элемент приобретает интонационный контур и информационную нагрузку самостоятельного высказывания. В работах Ю.В. Ванникова под «парцелляцией» понимается «такой способ речевого членения единой синтаксической структуры, т.е. предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, т.е. фразах». [Ванников Ю.В. Вопросы строения предложения. – Саратов, 1960.]

В.Г. Гак рассматривает парцелляцию как промежуточную форму между предложением и сверхфразовым единством и определяет ее как оформление одного высказывания в ряде интонационно обособленных отрезков. На письме эти речевые единицы отделяются точками, как самостоятельные предложения. Основное семантическое назначение парцелляции он видит в отношении добавления, в структурном плане – это присоединение (парцеллят не соотносится структурно ни с каким элементом базовой структуры). Говоря о функционировании парцеллированных конструкций, В.Г. Гак указывает на их способность «преодолеть жесткую схему предложения и привести синтаксическую структуру в соответствие с коммуникативным заданием высказывания». Парцеллят выражает рему высказывания, подытоживает мысль, уточняет сказанное.[Гак В.Г. Теория грамматики французского языка.–М., 1979.]

Н.К. Филонова понимает под парцелляцией обусловленное коммуникативной интенцией говорящего членение высказывания на две и более части.[Филонова Н.К. Парцелляция полипредикативных высказываний в современном английском языке.–М., 1985.]

Авторы «Теоретической грамматики современного английского языка» рассматривают парцелляцию как частный случай обособления, т.е. такого смыслового выделения, при котором обособленный элемент вычленяется в отдельное предложение.[Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка. –М., 1981.]

Преображаться в парцелляты могут по своему синтаксическому статусу различные единицы: определение, приложение, именная часть составного сказуемого, дополнение, обстоятельство любого содержания, сравнение и даже само подлежащее. Это если ограничивать сферу действия парцелляции предложением. Однако в рамках высказывания обособляется предложение, его обособленность наиболее отчетливо выражается просодически и обозначается посредством особого знака препинания, точки.

Этой проблемой занимался Ив. Хаджов, который выделил так называемую «ускоренную точку» – точку, постановка которой определяется своеобразием выбора говорящего.[Хаджов И.А. Просодия и парцелляция. –М., 1968.]

Е. Георгиева в своих работах останавливалась как на частных вопросах парцеллирования, так и пыталась прийти к некоторым обобщениям в этой области. Другие исследователи обращали внимание на тот факт, что первоначальный строй высказывания может подвергаться изменениям, исходя из определенных стилистических заданий. Они рассматривали разные виды стилистических повторов, которые связаны с этим явлением. При помощи обособления тех или иных частей более привычные формы построения речи

могут разрушаться. Они указывают на то, что с помощью того или иного вида парцелляции достигаются различные стилистические эффекты.[Георгиева Е.В. Парцелляция в английском языке.–М., 1982.]

Из представленных точек зрения на вопросы парцелляции следует особо отметить мнение М.Я. Блоха касательно сущности данного явления.

М.Я. Блох различает кумуляцию (cumulation) и парцелляцию (parcellation). Осуществляется парцелляция в устной речи при помощи тона финального завершения, а на письме посредством точки. Он также указывает на эмфатическую функцию парцелляции.[Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка.–М., 1983.]

Анализ парцеллированных конструкций с точки зрения семантики приводит ряд исследователей к выводу, что предложение и его парцеллированный «эквивалент» обнаруживают полное семантическое тождество.

Исследователи, изучающие парцеллированные конструкции в функционально-стилистическом аспекте, единодушно отмечают, что парцелляция – это прием экспрессивного синтаксиса, заключающийся в членении структуры предложения на несколько интонационно-обособленных частей в целях создания определенных стилистических эффектов, что парцеллированное и непарцеллированное предложения относятся друг к другу как стилистические варианты. Подчеркивается, что с помощью парцелляции достигается экономия языковых средств, которая проявляется, с одной стороны, в соответствии одной единицы плана выражения несколькими единицами плана содержания, с другой стороны – в компрессии тождественных единиц плана выражения. [Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – 2009.]

Обзор некоторых концепций позволяет отметить расхождение в подходах исследователей к парцелляции, а именно, одни считают парцелляцию речевым явлением, предлагая говорить не о парцелляции предложений различных структурных типов, а о парцелляции высказываний, другие ограничивают сферу парцелляции предложением. Наряду с исследованием явления парцелляции тех или иных ее аспектов, затрагиваются и вопросы, связанные с принципами отграничения парцелляции от таких близких ей явлений как обособление, эллипсис, присоединение.

Некоторые исследователи рассматривают парцеллаты как разновидность присоединительных конструкций ввиду сходства их структур, интонации, характера связи, информационной насыщенности и экспрессивности.

1.5.4. Пунктуация и фразировка речевого потока

Как известно, фразировка – это способ членения речи с помощью просодических средств, предпринимаемых в целях синтактико-смыслового интерпретирования конкретного произведения речи (текста).

Фразировка речи имеет большое значение для правильной постановки вопроса о членении текста.

Главным при фразировке речи является установление предельного, далее недробимого, элемента фразировки.

Таким элементом, возникающим как результат синтактико-смыслового членения, выступает синтагма. Синтагма – это наименьшая смысловая единица текста, оформленная просодическими средствами. [Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – 2009.] Среди просодических, супraseгментных средств, реализующих фразировку (этими средствами являются паузы, темп, ритм, тон, динамика и др.), важную роль играют паузы (диеремы). Естественно, что членение речи на синтагмы посредством пауз всегда сопровождается соответствующими изменениями мелодического контура и других просодических параметров.

Фразировка тесно связана с целью высказывания. Мы не можем «фразировать» текст до тех пор, пока не будем знать, что именно мы хотим передать нашим слушателям.

Просодия имеет большое значение для синтаксической категоризации, подчеркивая, что та или иная просодическая форма определяет то или иное синтаксическое функционирование некоей синтагматической единицы, ее экспрессивный аспект. В этом, последнем, аспекте первостепенную важность в плане выражения имеет ритм. Ритмическая организация речи – языковая универсалия. Она связана во многом с биоритмом человека и ритмом окружающей природы. [Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – 2009.]

Сам ритм формируется не только просодией, но и языковыми средствами. Однако просодия оформляет эти языковые средства в определенные однородные единицы, которые, периодически чередуясь в речевом отрезке, обеспечивают его определенную упорядоченность, а это означает, что ритм конституирует, организует речь (текст).

Изучение закономерностей построения текста поставило ряд проблем, связанных с организацией текста, с выявлением разного рода признаков, осуществляющих целостность и связанность текста. Ритм текста относится к таким текстосвязующим, текстообразующим средствам.

Обычно, говоря о ритме текста, его ассоциируют с текстом стихотворным. Однако проза также ритмична. Академик В.М. Жирмунский предлагает

различать ритм как естественное свойство речи вообще и ритм как средство художественного воздействия (который основывается на употреблении параллельных синтаксических конструкций и различных повторов).[Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. –Л., 1977.]

Каждому отрезку речи (тексту) присущ свой ритм: устная, разговорная речь отличается разнообразным ритмическим рисунком. Здесь ритмообразующую функцию выполняют различные по своей сложности ритмические единицы.

Текст научного регистра (особенно письменный) имеет более стабильный ритмический характер. Ритм в научном тексте воссоздает и имитирует движение мысли ученого, автора, лектора.

С проблемой фразировки тесно связана проблема расстановки знаков препинания в письменной речи. Особенно это касается английского языка, где, как известно, нет строго фиксированных правил пунктуации и в последние годы наметились две тенденции так называемой «усиленной» ("overstopping") и «ослабленной» ("under-stopping") пунктуации.

Проблема пунктуации занимала умы исследователей не только применительно к английскому языку. В русском языке вопросы, связанные со значением и употреблением знаков препинания, подробно изучались еще во времена Ломоносова. Сам М.В. Ломоносов указывал на необходимость учета смысла высказывания при расстановке знаков препинания. Он различал знаки препинания внутри предложения (запятую, точку с запятой, двоеточие) и знаки препинания в конце предложения (точку, вопросительный и восклицательный знаки).[Ломоносов М.В. Российская грамматика. –М., 1973.]

Посредством запятых отделяются второстепенные члены предложения, а также однородные члены, точка с запятой различает члены периодов.

Большое значение для решения вопроса пунктуации в русском языке имели работы А.М. Пешковского. Он подчеркивал, что практически все знаки препинания читаются. Это, бесспорно, относится к точке, точке с запятой, двоеточию, скобке, вопросительному и восклицательному знакам. А.М. Пешковский подчеркивал неразрывную связь письменного и устного языка.[Пешковский А.М. Избранные труды. –М., 1959.]

Л.В. Щерба указывал на неразрывную связь ритмомелодики, на связь знаков препинания со смысловой стороной речи. Он считал, что пунктуация имеет двойственный характер: «фонетический, поскольку она выражает некоторые звуковые явления, и идеографический, поскольку она непосредственно связана со смыслом». Различные пунктуационные системы Л.В. Щерба делит в основном на два типа – французскую и немецкую. Систему английской пунктуации он относит к французскому типу, русскую – к немецкому. Очень

важным является то обстоятельство, что в систему знаков препинания Л.В. Щерба включает и красную строку, которая «углубляет» предшествующую точку и открывает совершенно новый ход мыслей.[Щерба Л.В. Пунктуация.– М., 1979.]

Обобщая имеющиеся взгляды на роль пунктуации, А.Б. Шапиро подчеркивает, что ритмомелодия и синтаксическая структура не существует в речи независимо друг от друга, потому и пунктуация в письменной речи в большей или меньшей степени отмечает значимость отрезков речи.

Все знаки препинания в зависимости от функций А.Б. Шапиро делит на две группы: 1) знаки отделяющие и 2) знаки выделяющие.[Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации.–М., 1974.]

Первые – отделяют части текста. К таким относятся точка, вопросительный и восклицательный знаки, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, многоточие.

Ко второй группе знаков препинания относятся такие, которые обозначают конструкции дополняющие, уточняющее, поясняющие, выражающие субъективное отношение пишущего к содержанию и т.д. Такими конструкциями являются обороты (причастные, деепричастные), вводные и вставные конструкции, придаточные предложения. Как правило, знаки препинания этой группы являются парными (сдвоенные запятые, тире, скобки, кавычки). Граница предложения сигнализируется точкой, вопросительным или восклицательным знаком. Очень важным представляется замечание А.Б. Шапиро о том, что членение текста на предложения не произвольно, а обусловлено стремлением автора особым образом выразить свою мысль.

Предложения в бессоюзных сложных предложениях отделяются либо запятой, либо точкой с запятой. Запятая ставится в тех случаях, когда связь между составляющими сложного предложения является достаточно тесной. Точка же с запятой ставится в сложном предложении, если необходимо показать, что составляющие его простые предложения, хотя и имеют одну идею, тем не менее, самостоятельны. Кроме того, в подобных сложных предложениях могут употребляться и другие знаки препинания внутри составляющих их простых предложений, поэтому употребление точки с запятой делает границу между ними более четкой.

Все рассмотренные знаки препинания А.Б. Шапиро делит на три типа:

1) «вертикальные» (вопросительный и восклицательный знаки, двоеточие, запятая, точка с запятой);

2) «горизонтальные» (тире и многоточие, функцией которых является как бы более разграничить части предложения, сделав их весомее);

3) особым знаком препинания является точка.[Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. – М., 1974.]

Разработанные в русском языке рекомендации по употреблению пунктуационных знаков частично совпадают с правилами их использования в английском языке.

Пунктуационные знаки – важное средство для организации англоязычного текста, для выражения взаимосвязи отдельных частей высказывания, для придания тексту определенной выразительности, отсюда две основные функции знаков препинания – смысловая и экспрессивная. Выступая в тексте в качестве показателей границ между его отрезками, знаки препинания, тем не менее, являются решающим фактором при членении текста.

Каждая из существующих литературных традиций предлагает свои правила относительно того, где следует ставить те или иные знаки препинания. Однако эти правила большей частью ограничиваются лишь выражением на письме синтаксических отношений, т.е. выражением при помощи знаков препинания тех отношений между словами и словосочетаниями, которые носят собственно синтаксический характер. Между тем, как известно, функция знаков препинания не сводится лишь к фиксации основных синтаксических отношений. Знаки препинания требуются человеку, творчески воспринимающему язык и умеющему его творчески использовать, учитывая особенности синтактико-смыслового членения, не просто выразить взаимосвязь синтаксических отношений, но и передавать оттенки мысли и чувства.

Анализ текстов художественной литературы показывает, что, например, писатели не ограничиваются употреблением знаков препинания только для передачи на письме собственно синтаксических отношений между частями высказывания. Они (писатели), во всяком случае, большинство из них, используют пунктуацию (сознательно или интуитивно) как эффективное средство для передачи смысловых и экспрессивных отношений.

Синтаксическая структура текста предельно ясна, текст читается (воспринимается) легко. Однако эта легкость достигается благодаря «равновесию» между синтаксическими отношениями и их графической (пунктуационной) репрезентацией, которого достиг автор в целях адекватности восприятия. А это как раз и подтверждает положение о том, что установление связи между просодическим выражением синтаксических отношений и их графической репрезентацией с помощью пунктуации чрезвычайно важно.

Хорошая пунктуация всегда должна отражать ход мысли писателя. Слишком малое количество знаков препинания накладывает на читателя нелегкое бремя их интерпретации, а иногда создает много неясностей и неточностей. Усиленная же пунктуация производит то же впечатление, что и неестественные

вариации голоса и преувеличенная жестикуляция в речи.[Арапиева Л.У. Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке.–М., 1985.]

При обсуждении вопросов пунктуации нередко подчеркивается, что употреблять знаки препинания для указания на задержки в потоке речи вообще нельзя «научиться», если следовать лишь некоторому кодексу правил. Трудности в расстановке знаков усугубляются тем, что не только общепринятая практика изменяется со временем, но даже писатели одной и той же литературной эпохи явно обнаруживают различный подход в этом плане.

Преобладающую точку зрения на пунктуацию среди английских филологов можно представить примерно так: правильное употребление запятой – если вообще существует такая вещь, как «правильное» ее употребление, – может быть постигнуто только на основе «здорового смысла» (знаменитого английского "commonsense"), подкрепляемого систематическим изучением лучших литературных образцов и хорошим вкусом.

Так, Г.В. Кэри не ограничивается просто упоминанием определяющих факторов английской пунктуации, а предлагает при выборе знаков препинания на две трети руководствоваться правилами и на одну треть личным вкусом. По мнению многих английских лингвистов, пунктуация представляет собой не науку, а искусство. Отсюда утверждение, что общие правила и предписания в области пунктуации мало результативны, что вообще «чрезмерная» грамматизация и регламентация здесь не желательна. [Кэрри Г.В. Не пропусти остановку. – 1957.]

Что касается вопроса реализации экспрессивной функции пунктуации, ее «свободы» и «регламентированности», то его решение тесно связано с разработкой проблемы функций пунктуации, в первую очередь, «грамматической» и «экспрессивной». Однако «расплывчатость» границы между этими двумя функциями отнюдь не означает ненужности каких-либо правил и предписаний при реализации экспрессивной функции пунктуации.

Ведь наметившиеся в английском языке тенденции к «усиленной» и «ослабленной» пунктуации (об этом было сказано выше), следование моде, «личным вкусам» есть не что иное, как своего рода «поиск» в целях обнаружения средств (и, соответственно, правил их употребления) для адекватности восприятия авторской эмоциональной интенции. Неважно, что, например, «ослабленная» пунктуация не самое оптимальное для этого средство, важно то, что знаки препинания (даже в случае их полного отсутствия в тексте) рассматриваются как сильное экспрессивно-стилистическое средство, обладающее неограниченными возможностями нюансирования речи. Проблема заключается в том, чтобы, исследуя синтаксическое построение речи (текста),

обнаружить закономерности между данным содержанием (в том числе и экспрессивным) и соответствующим семиотическим выражением, а также установить возможности варьирования в пределах этих закономерностей.

Таким образом, следует отметить, что пунктуация является мощным средством экспрессивного синтаксиса, и грамотное ее употребление может оказать сильное влияние на экспрессивность текста в целом. Также пунктуация достаточно часто может быть характерной отличительной чертой разных писателей.

Глава 2. Практическое исследование вопроса экспрессивного синтаксиса

2.1. Анализ основных синтаксических средств

Экспрессивность является неотъемлемой частью художественных произведений. Без средств выразительности текст был бы сухим, строгим, содержал бы в себе только факты и не смог бы достичь своей главной цели – передать читателю чувства и эмоции, задуманные автором.

Существует много средств выразительности, самыми распространенными из которых, согласно результатам нашего исследования, являются **риторические восклицания и риторические вопросы**. При переводе на английский язык эти средства экспрессивности не просто сохраняются, очень часто они могут быть и взаимозаменяемыми. Вот пример из произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка»:

• «Куда как нужно тратить лишние деньги и не занимать мусье, как будто своих людей не стало!»

Восклицательный знак в конце предложения усиливает недовольство говорящего. Однако Пол Дебрецени в своем переводе превращает это предложение в вопросительное:

‘What need is there to throw away money hiring this mounseer, as if there weren’t enough of our own folk?’

Несмотря на такую замену, экспрессивность высказывания не снижается. Риторический вопрос также в определенной степени подчеркивает возмущение героя.

Другой переводчик Наталья Даддингтон оставляет данное предложение восклицательным:

‘Much good it is to spend money on the Frenchman, as though there weren’t enough servants on the estate!’

Другой пример гневных эмоций:

• Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностью и благоразумием! («Капитанская дочка»)

Здесь Пол Дебрецени сохраняет восклицательные предложения, тем самым сохраняя эмоциональность:

Such was the nature of our military operations! This was what the officials of Orenburg called caution and prudence!

Однако Наталья Даддингтон оставляет восклицательным только одно из предложений, второе несет нейтральную эмоциональную окраску:

This is what our military operations were like! And this was what the Orenburg officials called being cautious and sensible.

В следующем примере Пол Дебрецени в очередной раз заменяет одно из восклицательных предложений на вопросительное:

- Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! ИванКузмич, сейчас их под арест! («Капитанская дочка»)

Перевод Пола Дебрецени:

Hownow, mygoodsirs! What's this I hear? Plotting manslaughter in our fort? Ivan Kuzmich, lock them up at once!

НатальяДаддингтонпридерживаетсяпунктуацииоригинала:

Goodness me! What ever next? What? How could you? Planning murder in our fortress! IvanKuzmitch, putthemunderarrestatonce!

Восклицательныепредложениямогут нести повелительный характер:

- Г-н коллежский советник! Скажите нам ваше мнение! («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени в очередной раз заменяет восклицательное предложение на вопросительное:

Mr. Collegiate Councillor, would you tell us what you think?

Наталья Даддингтон использует при переводе нейтральную интонацию и сохраняет восклицание только после обращения:

Mr. Collegiate Councillor! tell us your opinion.

Очень часто восклицательные предложения несут именно негативную эмоциональную окраску. Следующий пример взят из произведения «Дубровский»:

- Во владение Кирилу Петровичу! Господь упаси и избави: у него часом и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкуру, да и мясо-то отдерет.

Структура данного предложения меняется в переводах обоих переводчиков. Пол Дебрецени сохраняет первое восклицательное предложение, но следующее предложение разделяет на два, одно из которых также становится восклицательным, что придает высказыванию больше эмоциональности:

To pass into KirilaPetrovich's possession! The Lord save and preserve us from that! His own people have a rough enough deal at times: if he gets his hand on strangers, he'll not only skin them, but tear their very flesh off.

Наталья Даддингтон использует тот же переводческий прием, но первое предложение она заменяет на вопросительное:

KirilPetrovitch? God save us and spare us! His own serfs have a bad time of it, and if he gets hold of other people's, he 'll not merely fleece but skin them.

Отрицательные эмоции усиливаются при помощи восклицательного знака и в следующем примере:

- Больно спесив Кирила Петрович! а небось поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему: вон, старый пес! – долой со двора! («Дубровский»)

Оба переводчика несколько меняют границы предложений, однако каждое восклицание сохраняется в переводе Пола Дебрецени:

He's uncommon high and mighty, ain't he, KirilaPetrovich! But I'll be sworn he stuck his tail between his legs when my Grishka yelled at him: 'Out with you, old dog! Outofthisyard!'

В переводе Натальи Даддингтон восклицание в первом предложении не сохраняется, в результате чего высказывание становится менее эмоциональным:

KirilPetrovitch is much too stuck-up, that's what he is. He did draw in his horns, though, when my Grisha shouted to him: 'Go away, you old cur! Beoff!'

Тем не менее, мы нашли достаточно много примеров, когда восклицание сохранялось в полной мере в каждом из переводов:

- Молю бога, чтоб это письмо когда-нибудь до вас дошло!(«КапитанскаяДочка»)

I pray to God that this letter may somehow reach you! (ПереводПолаДебрецени)

I pray that this letter may reach you! (Перевод НатальиДаддингтон)

Теперь обратим внимание на те случаи, когда в тексте оригинала были использованы **вопросительные** предложения. Пример из произведения «Капитанская дочка»:

- Любопытствоменя мучило: куда жотправляютменя, еслиужне вПетербург?

Вопросительная интонация сохраняется в обоих переводах, однако переводчики изменяют структуру исходного предложения. Пол Дебрецени вместо двоеточия использует точку с запятой, в результате чего придаточное предложение приобретает сочинительную связь с главным предложением:

Curiositywastormentingme; where was I being sent if not to Petersburg?

Наталья Даддингтон разбивает предложение на два самостоятельных:

I was consumed by curiosity. Where was I being sent if not to Petersburg?

Нами были обнаружены и такие примеры, когда вопросительный знак был заменен на точку:

- Охота тебе, сударь, переведываться с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? («Капитанская дочка»)

Наталья Даддингтон использует утвердительное предложение вместо вопросительного, однако это компенсируется тем, что в первом предложении она использует вопросительную интонацию:

Why ever do you go fighting those drunken brigands, sir? It isn't the thing for a gentleman.

В переводе Пола Дебрецени оба предложения вопросительные, первое из которых в оригинале было восклицательным:

Law, dear sir, what is it makes you jostle with drunken brigands? Isthatworthyofagentleman?

Так же, как и в случае с восклицательными предложениями, среди вопросительных высказываний было найдено много примеров, когда и эмоциональная окраска, и интонация, и структура предложения были полностью сохранены в каждом из переводов:

- Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. («Капитанская дочка»)

What can I say? I concluded the day just as dissolutely as I had begun it. (Перевод Пола Дебрецени)

What can I say? I finished the day as recklessly as I had begun it. (Перевод Натальи Даддингтон)

Другой пример:

- Что будет с бедной девушкой? («Капитанская дочка»)

What'll become of the poor girl? (Перевод Пола Дебрецени)

What will become of the poor girl? (Перевод Натальи Даддингтон)

- Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? («Капитанская дочка»)

Pity at least your parents, if you don't pity yourself. Where would you go? What for? (Перевод Пола Дебрецени)

Have pity on your parents if you don't care about yourself. How can you go? What for? (Перевод Натальи Даддингтон)

Таким образом, риторические восклицания сохраняются в подавляющем большинстве случаев как в переводах Пола Дебрецени, так и в переводах Натальи Даддингтон. Риторический вопрос сохранялся в переводах лишь в 60% случаев, причем Пол Дебрецени чаще придерживался интонации высказывания оригинала.

Другое средство экспрессивного синтаксиса, которое мы рассматривали – это **параллелизм**. Этот прием также достаточно распространен и встречается в тексте произведений довольно часто.

Нами было найдено много примеров, которые подтверждают, что это синтаксическое средство возможно сохранить при переводе в полной мере:

- Наискось стояло несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. («Капитанская дочка»)

On one side I could see a few huts; some chickens were roaming about the street. (Перевод Пола Дебрецени)

On one side I could see a few cottages; several hens strutted about the street. (Перевод Натальи Даддингтон)

Другой такой же пример, когда сохраняются все знаки препинания, структура предложения и эмоциональность:

• Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга. («Капитанская дочка»)

We rode to the city gates; the sentries let us through; we left Orenburg behind. (Перевод Пола Дебрецени)

We rode to the town gates; the sentries let us pass; we left Orenburg. (Перевод Натальи Даддингтон)

Еще один пример:

• Лошадитронулись, колокольчикзагремел, кибиткаполетела... («Капитанская дочка»)

The horses hurtled forward, the bells jingled, the wagon dashed forth... (Перевод Пола Дебрецени)

The horses set off, the bell clanged, the chaise flew along... (Перевод Натальи Даддингтон)

Но в некоторых случаях переводчики прибегали к структурным изменениям предложений, что вызвано особенностями английского языка.

• Всё сбежалось, двери отворились, Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою своей шутки. («Дубровский»)

В этом примере Пол Дебрецени нарушает параллелизм, применяя подчинительное придаточное цели «to open the door»:

People came running to open the door; Kirila Petrovich appeared, astonished by the outcome of his joke.

Наталья Даддингтон придерживается оригинала и сохраняет пассивный залог в этой части предложения:

Every one ran up, the door was opened, and Kiril Petrovitch came in, surprised at the result of his joke.

В некоторых случаях придаточные предложения могут быть разделены точкой и стать самостоятельными. Такой прием использовал в своем переводе Пол Дебрецени:

• Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и легкий шорох пробегал по всему саду. («Дубровский»)

The moon was shining. It was a still July night. The wind rose now and then, and a light rustle ran over the entire garden. (Перевод Пола Дебрецени)

Наталья Даддингтон сохранила структуру предложения, однако заменила запятую на точку с запятой:

The moon was shining; the country night was still; a slight breeze blew up from time to time, raising a rustle in the garden.

В связи с тем, что в английском языке нет такой возвратной частицы, как в русском языке (частица –ся), иногда полностью сохранить параллелизм не удастся. Например:

- Добежав до деревни, он остановился у полуразвалившейся избушки, первой с края, и постучал в окошко; *окошко поднялось, и старуха показалась.* («Дубровский»)

Здесь параллелизм создается благодаря возвратной частице, но при переводе на английский язык приходится использовать пассивный залог:

When he reached it, he stopped by a little tumbledown hut at the edge of the village and knocked at the window. The window was raised, and an old woman appeared in it. (Перевод Пола Дебрецени)

Reaching the village he stopped by a tumble-down hut, the first one in the row, and tapped at the window. The pane was lifted, and an old woman looked out. (Перевод Натальи Даддингтон)

Подводя итог, можно сказать, что в 60% случаев переводчики сохранили прием параллелизма, при этом в переводах Натальи Даддингтон это средство экспрессивного синтаксиса используется в два раза чаще, чем в переводах Пола Дебрецени.

Анафора и эпифора – это такие приемы экспрессивного синтаксиса, которые чаще используются в стихотворных произведениях, поэтому примеров этих средств нами было найдено крайне мало.

Анафора не сохранилась ни в одном из переводов, таким образом, эмоциональность была несколько утрачена:

- При выходе из рощи увидели кистеневскую деревянную церковь и кладбище, обнесенное старыми липами. *Там* покоилось тело Владимировой матери; *там* подле могилы ее накануне вырыта была свежая яма. («Дубровский»)

Past the wood, the Kistenevka village church and the cemetery, shaded by old lime trees, came into view. The body of Vladimir's mother lay there, and next to her tomb a new grave had been dug the day before. (Перевод Пола Дебрецени)

Coming out of the copse they saw the wooden church, and the churchyard overshadowed with old lime-trees. The body of Vladimir's mother rested there; next to her tomb a new grave had been dug the day before. (Перевод Натальи Даддингтон)

Эпифора также сохранилась не во всех переводах. Например:

- Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблеклых листьев и живо представлявшего ему верное *подобие* жизни – *подобие* столь обыкновенное. («Дубровский»)

Так, Пол Дебрецени вместо этого приема свернул концовку предложения и просто сравнил листья, плывущие по течению, с подобием жизни:

For a long time he sat motionless in the same place, watching the brook's quiet flow as it carried away some withered leaves – a faithful, all too familiar likeness of life.

Тем временем Наталья Даддингтон сохранила прием эпитеты в своем переводе:

He sat still for a long time in the same spot, watching the slow motion of the brook carrying away a few faded leaves, and it seemed to him a vivid image of life – such a very true and homely image.

К сожалению, примеров анафоры и эпитеты было найдено не достаточно много, чтобы сделать точный вывод касательно перевода этих средств языковой экспрессивности. Однако, учитывая собранные нами примеры, можно сказать, что анафора не сохраняется в переводах на английский язык, а эпитеты можно наблюдать в 50% случаев.

Реприза, или повтор, также является достаточно распространенным средством экспрессивного синтаксиса, нам удалось найти много примеров повтора. В большинстве случаев реприза сохраняется в переводе хотя бы одного из переводчиков. Но есть примеры, когда повтор сохраняют оба переводчика:

- «Целуй руку, целуй руку!» – говорили около меня. («Капитанская дочка»)

“Kisshishand! Kiss his hand!” they were saying around me.

(ПереводПолаДебрецени)

‘Kiss his hand, kiss his hand,’ people around me said. (Перевод Натальи Даддингтон)

Очередной пример сохранения репризы в обоих случаях перевода:

- Воображение ее было поражено: она видела мертвого медведя и Дефоржа, *спокойно* стоящего над ним и *спокойно* с нею разговаривающего. («Дубровский»)

It stirred her imagination: she kept seeing in her mind’s eyes the dead bear, and Desforges, as he *calmly* stood over it and *calmly* conversed with her.

(ПереводПолаДебрецени)

Her imagination was struck by the sight of the dead bear and of Deforge*calmly* standing beside its body and *calmly* talking to her. (Перевод Натальи Даддингтон)

Далее представлены примеры, когда только один из переводчиков сохраняет репризу:

- Петр Андреич! Алексей Иваныч! подавайте сюда ваши шпаги, *подавайте, подавайте*. («Капитанская дочка»)

Наталья Даддингтон полностью передает экспрессивность высказывания, используя тот же прием, что и в оригинале:

PyotrAndreyitch, Alexey Ivanitch! Give me your swords, *give them up, give them up!*

Пол Дебрецени отказался от использования репризы, однако он компенсирует отсутствие этого приема восклицательным предложением и добавлением такого выражения, как «thisinstant» (= сию же минуту):

PetrAndreich, AlekseiIvanych, hand over your swords, hand them over this instant!

Другой пример:

- *Нет! нет!* пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня. («Дубровский»)

Пол Дебрецени в очередной раз пренебрегает репризой, но заменяет ее на выражение «and a thousandtimesno» (= и тысячу раз нет), что позволяет ему сохранить экспрессивность высказывания:

No, and a thousand times no! He shall not have the woeful house from which he is evicting me.

Наталья Даддингтон использует в переводе повтор, придерживаясь оригинала:

No, no! He shall not have this house of sad memories from which he is driving me!

В другом примере Пол Дебрецени сохраняет прием повтора, как это было в оригинале:

- «*Опомнися! опомнися!* – повторял он. – Слава тебе, владыко! Ну, батюшка Петр Андреич! напугалтыменя! легколи? Пятыесутки!..» («Капитанская дочка»)

“*He’s come around! He’s come around!*” he kept repeating. ‘Thanksto Thee, O Lord! Well, young master PetrAndreich, I vow you’ve scared me. No trifle, is it: the fifth day already!’ (ПереводПолаДебрецени)

Наталья Даддингтон в своем переводе повтор не использует, в результате чего экспрессивность снижается:

‘He has come to his senses! Thank God! Well, my dear PyotrAndreyitch, you have given me a fright! Fivedays, it’snojoke!’

То же происходит и в следующем примере: Пол Дебрецени сохраняет репризу, хотя вместо наречия «горько» он повторяет прилагательное «bitter», но это не снижает экспрессивности высказывания, в то время, как Наталья Даддингтон опускает повтор:

- *Ягорько,*
горькозаплакалигромкопроизнесимямоейлюбезной...(«Капитанская дочка»)

I burst into *bitter, bitter* tears and loudly called out the name of my beloved. (ПереводПолаДебрецени)

I wept *bitterly* and called aloud my beloved's name... (Перевод Натальи Даддингтон)

Мы нашли также примеры, когда ни один из переводчиков не использует репризу:

- Гм, постараемся. *Давно, давно* стараются, а проку все-таки нет. («Дубровский»)

Hm, do your best. All of you have been doing your best for a long time, yet we’ve seen no results. (ПереводПолаДебрецени)

Hm! Do your best! You have long been doing yourbest, but it doesn’t come to anything. (Перевод Натальи Даддингтон)

Но в данном случае можно сказать, что отсутствие репризы компенсируется использованием времени английского языка Present Perfect Continuous, что показывает продолжительность действия.

Суммируя полученные результаты, необходимо отметить, что переводчики использовали репризу в 60% случаев, причем Пол Дебрецени и Наталья Даддингтон отказывались от репризы с одинаковой частотностью.

Следующее средство экспрессивности, которое мы рассматривали, это **инверсия**. Данное синтаксическое средство является распространенным в русском языке благодаря нефиксированному порядку слов. В английском языке порядок слов фиксированный, этот факт затрудняет перевод с использованием инверсии.

Ни в одном из найденных нами примеров инверсия не была сохранена:

- Я оставил перо, взял шпагу и *к нему вышел*. («Капитанская дочка»)

I put down my pen, picked up my sword, and went out to him.
(Перевод Пола Дебрецени)

I left my pen, picked up my sword, and went out to him. (Перевод Натальи Даддингтон)

- Комендант со мною поздоровался *с видом озабоченным*. («Капитанская дочка»)

The commandant greeted me with an anxious look. (Перевод Пола Дебрецени)

The Commandant looked troubled as he greeted me. (Перевод Натальи Даддингтон)

- Близость опасности одушевляла старого воина *бодростью необыкновенной*. («Капитанская дочка»)

The approach of danger inspired the old warrior with unusual vigor.
(Перевод Пола Дебрецени)

The presence of danger inspired the old soldier with extraordinary vigour. (Перевод Натальи Даддингтон)

- Приближаясь к Оренбургу, *увидели мы* толпу колодников с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. («Капитанская дочка»)

As we approached Orenburg we saw a group of convicts, their heads shaved and their faces disfigured by the executioner's tongs. (Перевод Пола Дебрецени)

As we approached Orenburg we saw a crowd of convicts with shaven heads and faces disfigured by the branding iron. (Перевод Натальи Даддингтон)

- Читатель легко себе представит, что я не преминул явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на *судьбу мою*. («Капитанская дочка»)

As the reader can imagine, I did not fail to appear at the council that was to have such great influence on my fate. (Перевод Пола Дебрецени)

The reader may well imagine that I did not fail to appear at the council which was of such importance to my future. (Перевод Натальи Даддингтон)

• Савельич от меня не отставал, не прерывая *жалобных своих* молений. («Капитанская дочка»)

Savelich would not be left behind and did not cease his plaintive entreaties. (Перевод Пола Дебрецени)

Savelyitch kept pace with me, never ceasing from his pitiful entreaties. (Перевод Натальи Даддингтон)

• Андрей Гаврилович, *рассмотрев хладнокровно* запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. («Дубровский»)

Andrei Gavrilovich, when he had considered the assessor's request with a cool head, did see the need to reply in greater detail [...] (Перевод Пола Дебрецени)

When Andrey Gavrilovitch considered in cold blood the question that had been put to him, he pondered and saw that it ought to be answered in more detail; [...] (Перевод Натальи Даддингтон)

В отличие от инверсии, **эллипс** встречается в переводах на английский язык чаще.

Пример:

• Между тем наступило 1-е октября – день храмового праздника в селе Троекурова. («Дубровский»)

Пол Дебрецени не использует эллипс в своем переводе, он прибегает к конкретизации:

In the meanwhile October 1, which was celebrated in Troekurov's village as the patron saint's day, arrived.

Наталья Даддингтон использует эллипс, заменяя тире на запятую:

Meanwhile, the first of October, the dedication feast of Troekurov's church, was drawing near.

В следующих примерах эллипс сохранен каждым из переводчиков.

• Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие у приказчика, третьи у священника, четвертые у зажиточных крестьян. («Дубровский»)

В данном предложении глагол «останавливались» опускается, в переводах глаголы «stayed» или «put» также пропущены:

The guests began to arrive the day before the holiday. Some stayed at the manor house or in one of its wings, others were put up at the steward's, or at the priest's, or at the houses of well-to-do peasants. (Перевод Пола Дебрецени)

Visitors began to arrive on the eve of the festival; some stayed at the manor-house and the lodges, others put up at the bailiff's, at the priest's, and at the richer peasants'; [...].(Перевод Натальи Даддингтон)

Ниже представлен подобный пример, в данном случае глагол «любить» используется только один раз и больше не повторяется:

- Все любили молодого учителя – Кирила Петрович за его смелое проворство на охоте, Марья Кириловна за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша – за снисходительность к его шалостям, домашние – за доброту и за щедрость, повидимому несовместную с его состоянием. («Дубровский»)

Таким же образом построены предложения в переводах:

Everyone liked the young tutor: Kirila Petrovich for his daring agility in hunting; Maria Kirilovna for his boundless zeal and timid attentiveness; Sasha for his lenience toward his pranks; and the servants for his good nature and a generosity that seemed incompatible with his station. (Перевод Пола Дебрецени)

Everyone liked the young tutor: Kiril Petrovitch for his courage and quickness in the hunting field, Marya Kirilovna for his boundless devotion and deferential attentiveness, Sasha for his leniency, the servants for his kindness and a generosity which seemed out of keeping with his position.(Перевод Натальи Даддингтон)

Эллипс сохраняется в 90% случаев, причем Наталья Даддингтон использует этот художественный прием чаще.

Очень распространенной фигурой речи в произведениях Пушкина является **умолчание**. Однако мы встретили много случаев, когда переводчики не использовали это средство экспрессивного синтаксиса.

- Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени сохраняет умолчание в своем переводе:

Savelich grumbled; I looked in all directions, hoping to see some sign of human habitation or a roadway, but could not discern anything except the turbid whirl of the snowstorm...

Наталья Даддингтон не использует эту фигуру речи, предложение в ее переводе является интонационно завершенным:

Saveliyitch was grumbling; I was looking around in the hope of seeing some sign of a homestead or of the road, but I could distinguish nothing in the opaque whirlwind of snow.

Далее представлен подобный пример, когда Пол Дебрецени сохраняет умолчание, а Наталья Даддингтон его опускает:

- А бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич... («Дубровский»)

Heaven only knows, young master Vladimir Andreevich...
(ПереводПолаДебрецени)

Heaven only knows, Vladimir Andreyevitch, sir.(Перевод Натальи Даддингтон)

В следующем примере можно наблюдать обратное – Пол Дебрецени объединяет два предложения в одно, тем самым пропуская умолчание, а Наталья Даддингтон сохраняет этот художественный прием:

• Мне казалось, буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. («Капитанская дочка»)

The blizzard, I fancied, was still raging, and we were still floundering in the snow-covered wilderness, but I suddenly beheld a gate and was driven into the courtyard of our manor house. (ПереводПолаДебрецени)

It seemed to me the storm was still raging and we were still wandering in the snowy desert... Suddenly I saw a gateway and drove into the courtyard of our estate. (Перевод Натальи Даддингтон)

Умолчание может использоваться вместе с риторическим вопросом, что усиливает эмоциональность речи, переживания героя:

• Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постеле лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. («Капитанская дочка»)

Но в данном случае переводчики сохранили только риторический вопрос, умолчание же они опустили:

I go down on my knees and raise my eyes to the invalid. But what do I see? Instead of my father I behold a muzhik with a black beard, looking at me gaily. (ПереводПолаДебрецени)

I knelt down and looked at the sick man. But what did I see? Instead of my father a black-bearded peasant lay on the bed looking at me merrily. (Перевод Натальи Даддингтон)

Незавершенность высказывания встречается и в прямой речи:

• «Все равно, Петруша, – отвечала мне матушка, – это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я несогласался. («Капитанская дочка»)

В данном примере умолчание сохранила только Наталья Даддингтон:

“It’s all the same, Petrusha,” answers mother; “this is your father by proxy: kiss his dear hand and let him bless you.” I could not agree to that. (ПереводПолаДебрецени)

‘Never mind, Petrusha,’ my mother answered, ‘he takes your father’s place for the wedding; kiss his hand and he will bless you...’ I wouldnotdoit. (Перевод Натальи Даддингтон)

В некоторых случаях оба переводчика пренебрегали данным средством экспрессивного синтаксиса, предложения в переводах становятся эмоционально нейтральными:

- «Теперьстойтекрепко, – сказалкомендант, – –
будетприступ...» («Капитанскаядочка»)

“Steady now,” said the commandant, “the assault is coming.”
(ПереводПолаДебрецени)

‘Now, stand firm,’ the Commandant said. ‘They are going to attack.’ (Перевод
Натальи Даддингтон)

Пример с двумя сложносочиненными предложениями:

- Действие наступательное представляет более надежды на скорейшее истребление неприятеля; действие оборонительное более верно и безопасно... («Капитанская дочка»)

Наталья Даддингтон сохраняет пунктуацию и структуру предложения оригинала:

The offensive offers more hope of exterminating the enemy in the shortest time; the defensive is safer and more reliable... (Перевод Натальи Даддингтон)

Пол Дебрецени полностью меняет предложение. Придаточные становятся сложноподчиненными в результате добавления союза «whereas», умолчание в конце высказывания отсутствует:

Offensive action offers more hope for a speedy annihilation of the enemy, whereas defensive action is safer and more reliable. (Перевод Пола Дебрецени)

В другом примере Пол Дебрецени также опускает умолчание:

- Других способов тактика не представляет: движение оборонительное или наступательное... («Капитанскаядочка»)

[...] the science of tactics knows no other way: you take either offensive or defensive measures. (Перевод Пола Дебрецени)

Наталья Даддингтон сохраняет умолчание, хотя несколько меняет структуру предложения:

No other tactics are possible; one must either take the offensive or be on the defensive...(Перевод Натальи Даддингтон)

Тем не менее, мы нашли примеры, когда оба переводчика сохраняли умолчание в своих переводах:

- Секретарь повторил ему свое приглашение подписать свое полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции куда следует. Дубровскиймолчал... («Дубровский»)

The secretary repeated to him his invitation to sign, indicating either his full and complete concurrence or his explicit exception in case he should feel with a clear

conscience, against the court's expectations, that his case was just, and should wish to file an appeal at the appropriate court within the legally allotted time. Dubrovskii remained silent... (ПереводПолаДебрецени)

The secretary invited him once more 'to sign, expressing his complete and perfect satisfaction or his clear dissatisfaction, should he, by any chance, be honestly convinced that his cause was right and intend to appeal against the court's decision within the appointed time'. Dubrovskysaidnothing... (Перевод Натальи Даддингтон)

Подсчитав полученные результаты, мы пришли к выводу, что умолчание сохраняется в 40% переводов, Наталья Даддингтон использует это синтаксическое средство почти в два раза чаще, чем Пол Дебрецени.

2.2. Анализ различных способов нарушения замкнутости предложений

Как уже было сказано выше, к средствам экспрессивного синтаксиса относятся и различные способы нарушения замкнутости предложений. Ниже описаны проанализированные нами примеры с этими средствами экспрессивности.

В произведениях Пушкина мы нашли мало примеров **смещения синтаксических конструкций**:

- Смотрю: вечером мой приказчик возвращается, бледен, оборван, и пеш – *я так и ахнула*. («Дубровский»)

В данном примере фраза «я так и ахнула» при переводе выносится в отдельное предложение. Тем не менее, экспрессивность сохраняется благодаря тому, что переводчики используют риторическое восклицание:

But, come evening, I see my steward returning pale, all tattered, and on foot. 'Souse!' I cry. (ПереводПолаДебрецени)

And behold, in the evening my bailiff comes home on foot, pale, and his clothes tom! I simply gasped. (Перевод Натальи Даддингтон)

Другой пример – предложение с однородными сказуемыми:

- Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает порошу, да будет солдат, *а не шаматон*. («Капитанская дочка»)

В переводеПолаДебреценисмещениесохраняется:

No, let him serve in the army, let him learn to sweat and get used to the smell of gunpowder, let him become a soldier, *not an idler*. (Перевод Пола Дебрецени)

Наталья Даддингтон добавляет союз «and», что снижает быстроту речи, но она компенсирует экспрессивность путем использования риторического восклицания:

No, let him serve in the army and learn the routine of it, and know the smell of powder and be a soldier and *not a fop* in the Guards! (Перевод Натальи Даддингтон)

Можно с уверенностью сказать, что во всех случаях при переводе на английский язык смещение синтаксических конструкций сохраняется, однако не всегда оно оформлено так, как это было в оригинале, в результате эмоциональная окраска может незначительно снизиться.

Присоединительные конструкции встречались в произведениях Пушкина крайне редко:

• Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. («Капитанская дочка»)

Следует отметить, что переводы по структуре предложений максимально приближены к оригиналу:

Heaven only knows. My path is narrow: I've little freedom. My fellows are always trying to be clever. They're crooks. (Перевод Пола Дебрецени)

God only knows. I am cramped; I cannot do as I like. My men are too independent. They are thieves. (Перевод Натальи Даддингтон)

В качестве вывода отметим, что данное синтаксическое средство сохраняется в переводах двух авторов.

Парцелляция встречалась чаще, чем присоединительные конструкции. В переводах парцелляция почти всегда сохраняется:

• Я умирал со скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. («Капитанская дочка»)

I was dying of ennui. Time wore on. No letters came from Belogorsk. All the roads were cut off. (Перевод Пола Дебрецени)

I was dying of boredom. Time was passing. I received no letter from the Belogorsky fortress. All the roads were cut off. (Перевод Натальи Даддингтон)

То же можно наблюдать в следующем примере:

• Маша остолбенела, смертная бледность покрыла ее лицо. Она молчала. («Дубровский»)

Masha stood rooted to the ground; a deathly pallor spread over her face. She kept her silence. (Перевод Пола Дебрецени)

Masha was dumbfounded; a deathly pallor overspread her face. She was silent. (Перевод Натальи Даддингтон)

Период является очень сложной синтаксической конструкцией, поэтому не так распространен в произведениях Пушкина, как некоторые другие средства экспрессивности.

Период сохраняется переводчиками не во всех случаях.

• Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel, не очень понимая значение этого слова. («Капитанская дочка»)

Оба переводчика использовали период:

In his homeland Beaupré had been a barber ; then he did some soldiering in Prussia ; and finally he came to Russia pour être outchitel , though he did not quite understand the meaning of that title. (Перевод Пола Дебрецени)

In his native land Beaupre had been a hairdresser; afterwards he was a soldier in Prussia, and then came to Russia pour être outchitel, without clearly understanding the meaning of that word. (Перевод Натальи Даддингтон)

Следует отметить также, что в данном предложении присутствует фраза на французском языке: «pour être outchitel». Сам Пушкин в своем произведении дает примечание, в котором указывает, что эта фраза переводится как «чтобы стать учителем». Наталья Даддингтон также указывает в сноске перевод этой фразы (To be a teacher. – Translator's Note). В книге Пола Дебрецени в разделе «Глоссарий» объясняется, что слово «outchitel» означает «учитель», что это французская транслитерация русского слова (outchitel – tutor (French transliteration of Russian word)). Подобные примечания показывают высокий уровень профессионализма переводчиков.

Другой пример:

• Остаюсь вам покорная бедная сирота Марья Миронова. («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени переводит предложение дословно, тем самым сохраняя период:

I remain your poor humble orphan, Maria Mironova. (Перевод Пола Дебрецени)

Наталья Даддингтон разделяет одно сложное словосочетание на два простых:

I remain yours obediently, a poor orphan, Marya Mironov. (Перевод Натальи Даддингтон)

Подобное можно наблюдать в следующем примере:

• Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени переводит второе предложение буквально, тем самым сохраняя период:

It was a beautiful morning; the rays of the sun fell on the tops of the lime trees, whose leaves had already turned yellow under autumn's fresh breath. The wide pond glittered motionless. (Перевод Пола Дебрецени)

Наталья Даддингтон в очередной раз прибегает к изменению структуры предложения, используя обособление фразы «without a ripple on it»:

It was a beautiful morning; the sun was lighting the tops of the lime-trees that had already turned yellow under the fresh breath of autumn. The broad lake, without a ripple on it, glittered in the sunlight. (Перевод Натальи Даддингтон)

Период может представлять собой сложноподчиненное предложение с однородными придаточными:

- Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них густую зеленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезьями. («Дубровский»)

В данном случае оба переводчика сохранили период:

Dubrovskii raised his head. They were riding along the shore of a wide lake, drained by a stream that flowed meandering among hills at a distance; on one of these hills there arose, above the dense great foliage of a grove, the green roof and belvedere of an enormous stone house; on another one, there stood a five-domed church and an ancient bell tower; and all around were scattered peasant cottages with their vegetable gardens and wells. (Перевод Пола Дебрецени)

Dubrovsky raised his head. They were driving along the bank of a wide lake, from which flowed a river winding among the low hills and disappearing in the distance. On one of the hills above the thick verdure of the trees could be seen the green roof and the belvedere of a huge brick house; on another, a church with five cupolas and an ancient belfry; peasant huts, with their wells and kitchen-gardens, were scattered around. (Перевод Натальи Даддингтон)

Согласно результатам нашего исследования, период сохраняется в 75% случаев, Пол Дебрецени всегда использует период в своих переводах, в то время как Наталья Даддингтон опустила это языковое средство экспрессивности в половине своих переводов.

Полисиндетон, или многосоюзие, является достаточно распространенным средством выражения экспрессивности. Однако в связи с особенностями пунктуации английского языка полисиндетон не всегда передается переводчиками:

- Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле *ни* родни, *ни* покровителей. («Капитанская дочка»)

Двойное использование союза «ни» было заменено переводчиками на двойной союз «not/no ... or»:

It was God's will that I should be deprived of both my father and mother at once; I have *not* one relation *or* protector in the whole world. (Перевод Пола Дебрецени)

It has pleased God to deprive me suddenly of both father and mother; I have *no* friends *or* relatives in this world. (Перевод Натальи Даддингтон)

Еще один такой пример:

- Не было безопасности *ни* по дорогам, *ни* по деревням. («Дубровский»)

Вместо двойного «ни» используется сложный союз «*either ... or*»:

There was no safety *either* along the highways *or* in the villages. (Перевод Пола Дебрецени)

There was no safety *either* in the villages *or* on the high road. (Перевод Натальи Даддингтон)

Следующий пример с многократным повторением союза «ни»:

- Она не заметила и впечатления, ею произведенного на м-р Дефоржа, *ни* его смущения, *ни* его трепета, *ни* изменившегося голоса. («Дубровский»)

Пол Дебрецени использовал сложный союз «*neither ... nor*», однако многократное повторение союза «*nor*» сохраняет эффект полисиндетона:

She noticed *neither* the impression she made on Monsieur Desforges, *nor* his embarrassment, *nor* his trembling, *nor* his changed voice.

Наталья Даддингтон опускает союзы и прибегает к перечислению однородных членов предложения:

She failed to observe the impression she had produced on M. Deforge – his confusion, his agitation, the change in his voice.

Подобный пример с союзом «и»:

- Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти *и* в характерах, *и* в наклонностях. («Дубровский»)

В данном случае союз «*and*» использовался в переводах лишь однажды:

Of the same age, born of the same social class, and educated the same way, they were to some extent similar in character *and* disposition. (Перевод Пола Дебрецени)

They were of the same age, belonged to the same class by birth, had had the same bringing up, and were to some extent alike in their tastes *and* temperaments; [...](Перевод Натальи Даддингтон)

Иногда эффект многосоюзия передается при помощи замены союза на другую часть речи, например:

- Он расхаживал по псарне, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался перед некоторыми конурами, *то* расспрашивая о здоровье больных, *то* делая замечания более или менее строгие и справедливые, *то* подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. («Дубровский»)

В переводе Пола Дебрецени союз «то» заменен наречием «*now*»:

He walked about the kennels, surrounded by his guests and escorted by Timoshka and the chief kennelmen; he stopped in front of some of the doghouses, *now* inquiring

after the condition of the sick, *now* handing out reprimands, more or less strict and just, *now* calling to him some dogs by name and fondly talking to them.

Наталья Даддингтон в этом предложении не воспользовалась таким приемом, а просто перечислила через запятую действия персонажа:

He walked about surrounded by his guests, and accompanied by Timoshka and the chief huntsmen. He stopped in front of certain kennels, inquiring about the sick dogs, making more or less stern and just reprimands or calling to him the dogs he knew, and talking kindly to them.

Бывают случаи, когда каждый переводчик находит возможность сохранить полисиндетон:

- Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, *что* сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя, *что* он владеет им по праву наследства, *что* Троекурову до него дела никакого нет и *что* всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда и мошенничество. («Дубровский»)

Союз «что» в переводах сохранен и переведен как «that»:

Astonished by the unexpected request, Andrei Gavrilovich wrote a rather rude reply the same day, declaring *that* the village of Kistenevka had come into his possession after his father's death, *that* he held it by right of inheritance, *that* Troekurov had nothing to do with it, and *that* any other party's claims to his property amounted to chicanery and fraud. (ПереводПолаДебрецени)

Surprised by this unexpected query, AndreyGavrilovitch wrote that very day a rather rude reply, saying *that* he had inherited Kistenyovka from his late father, *that* he owned it by the right of legacy, *that* it was none of Troekurov's business, and *that* any outsider's claim on his property was a fraud and a swindle. (ПереводНатальиДаддингтон)

Но в некоторых примерах оба переводчика не используют полисиндетон:

- «Если когда-нибудь, – сказал он ей нежным и трогательным голосом, – если когда-нибудь несчастье вас постигнет и вы ни от кого не будете ждать *ни* помощи, *ни* покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего – для вашего спасения?» («Дубровский»)

Вместо союзов «ни» они соединяют два однородных члена предложения одним союзом «or» или «and»:

‘If any time in the future,’ he said to her in a gentle, touching voice, ‘if at any time misfortune befalls you and you cannot expect *help or protection* from anyone, will you promise me that in such a case you will turn to me and demand all that I am capable of, in order to rescue you?’ (ПереводПолаДебрецени)

‘If ever’ said he in a tender and moving voice – ‘if ever a misfortune befalls you, and there is none to *protect and help* you, will you promise to appeal to me and ask me to do all in my power to save you?’ (Перевод Натальи Даддингтон)

Ввиду особенностей грамматики английского языка полисиндетон сохраняется крайне редко, так как использование большого количества союзов может слишком нагружать предложение и затруднять его восприятие. Тем не менее, в 30% случаев переводчики сохранили полисиндетон, Пол Дебрецени использовал этот прием чаще.

Асиндетон, или бессоюзие – средство, противоположное полисиндетону. Оно встречается в произведениях Пушкина реже, чем многосоюзие.

Бессоюзие сохраняется не всегда:

- В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени восстановил пропущенный союз «and», изменив структуру предложения:

At that moment the rebels burst into terrifying shrieks and screams and rushed towards the fort.

Наталья Даддингтон сохраняет структуру предложения исходного текста:

At that moment terrible shouting and yelling was heard; the rebels were running fast towards the fortress.

То же самое наблюдается в следующем примере:

- Я бросился было к нему на помощь; несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым ослушникам!» («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени восстанавливает союз «but»:

I was on the point of rushing to his aid, but some hefty Cossacks seized me and bound me with their belts, repeating, “You’ll get your deserts for disobeying His Majesty!”

Наталья Даддингтон переводит предложение по образцу оригинала:

[...] I rushed to his assistance; several burly Cossacks seized me and bound me with their belts, saying: ‘You will catch it presently, you enemies of the Tsar!’

Встречались и случаи, особенно сложные для перевода:

- Пожалуй, я буду посаженным отцом, Швабрин дружкою; закутим, запьем – и ворота запрем! («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени восстанавливает все союзы «and»:

I’ll be father by proxy, if you like, and Svabrin can be your best man: we’ll feast and drink and banish sorrow!

Наталья Даддингтон не только сохраняет союзы, но и использует ритмико-интонационную конструкцию, создавая рифму в высказывании, как это было в оригинале:

I'll give her away if you like, and Shvabrin will be best man; we'll make merry and drink, and give the guests no time to think!

В некоторых предложениях оба переводчика сохраняют асиндетон:

• Пугачевуехал; народбросилсязаним. («Капитанская дочка»)

Pugachev rode away; the crowd surged after him. (ПереводПолаДебрецени)

Pugatchov rode away; the people rushed after him. (Перевод Натальи Даддингтон)

В последнем из приведенных нами примеров видно, что асиндетон сохранен двумя переводчиками, единственное отличие от оригинала – это знаки препинания:

• Приказчик мой задрожал и повалился генералу в ноги. «Батюшка, виноват – грех попутал – солгал». («Дубровский»)

My steward went all a-tremble and threw himself at the general's feet. 'Gracious sir, I am guilty: it was the devil's work – I lied.' (ПереводПолаДебрецени)

My bailiff trembled and fell at the general's feet. "I'm sorry, sir, I did wrong ... Itoldalie." (Перевод Натальи Даддингтон)

Как видно из приведенных выше примеров, асиндетон не всегда бывает просто перевести на английский язык, тем не менее, в 60% случаев это средство языковой выразительности было сохранено, Наталья Даддингтон использовала его в своих переводах гораздо чаще.

Одно из самых эмоциональных средств экспрессивного синтаксиса – это **градация**.

Не всегда оба переводчика сохраняли прием градации:

• В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и доброконных. («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени перефразировал концовку предложения, тем самым нарушив градацию:

In these skirmishes the advantage was usually on the side of the villains, who set well-fed and drunk on their excellent horses.

Наталья Даддингтон максимально сохранила градацию в своем переводе:

As a rule the advantage in these sallies was on the side of the villains, who were well fed, had plenty to drink, and rode good horses.

В некоторых случаях градация может быть выражена слабее в переводе, чем в оригинале:

• Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. («Капитанская дочка»)

В переводе Пола Дебрецени градация сохраняется в полной мере еще и благодаря тому, что переводчик выносит имя героини на первое место в предложении:

I took one look and froze with fright. Maria Ivanovna, in a tattered peasant dress, pale and thin, with her hair disheveled, sat on the floor. A jug of water covered with a chunk of bread stood before her.

В переводе Натальи Даддингтон градация выражена слабее по причине использования союзов:

I looked – and was aghast. MaryaIvanovna, pale and thin, with dishevelled hair and dressed like a peasant, was sitting on the floor; a jug of water, covered with a piece of bread, stood before her.

Подобное наблюдается в следующем примере:

• Надели мне на ноги цепь и заковали ее наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою. («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени сохранил градацию:

Fetters were put around my ankles and hammered tight. Then I was taken to the prison and left alone in a narrow, dark, kennel-like cell, with bare walls and a tiny window crisscrossed by iron bars.

Наталья Даддингтон в очередной раз добавляет союзы, чем ослабляет эмоциональность данного синтаксического средства:

Shackles were put on my feet and soldered together. Then I was taken to the prison and left alone in the dark and narrow cell with nothing in it but bare walls and a window with iron bars.

Еще один пример:

• Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил? но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. («Дубровский»)

Пол Дебрецени несколько снизил эмоциональность градации, опустив одно из однородных сказуемых «стал усиливаться»:

The elder turned to the crowd, asking who had spoken, but everyone kept quiet. Soon, however, a murmur began to rise from the back of the crowd, and in one minute it had grown into a horrendous uproar.

Наталье Даддингтон удалось сохранить градацию и не потерять экспрессивность высказывания:

The foreman turned to the crowd, asking who it was had spoken. But every one was silent. Soon there was a murmur among those standing farthest away; it grew louder, and in a minute turned into fearful yells.

Нам встретились и такие случаи, когда оба переводчика передали градацию в той степени, как она была представлена в оригинале:

- Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошел – Швабрин. («Капитанская дочка»)

In a few minutes there was a clanking of chains, the door opened, and – Shvabrin entered. (Перевод Пола Дебрецени)

A few minutes later there was a rattle of chains, the door opened, and Shvabrin walked in. (Перевод Натальи Даддингтон)

То же самое видно в другом примере:

- Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне, глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. («Дубровский»)

His heart was full of sad forebodings: he feared his father might be dead by the time he reached home; and he imagined the dreary life awaiting him in the country – backwoods, loneliness, poverty, and troubles over business, about which he did not know the first thing. (Перевод Пола Дебрецени)

His heart was full of sad forebodings: he was afraid of finding his father dead; he imagined the melancholy existence awaiting him in the country: a desolate village, no neighbours, poverty, and business responsibilities to which he was an utter stranger. (Перевод Натальи Даддингтон)

Не смотря на некоторые перестановки внутри предложения, переводчики сохранили градацию и не потеряли эмоциональности высказывания и в следующем примере:

- Бедный гость с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принужден был иногда целых три часа стоять прижавшись к стене и видеть, как разъяренный зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. («Дубровский»)

The poor guest, with the skirt of his coat torn and he himself bleeding from scratches, would soon find the safe corner, but would be compelled, sometimes for as long as three hours, to stand there, two steps from the bear, flattening himself against the wall, and from his position to watch the frenzied beast growl, leap, and rear up, tearing at its rope and straining to reach him. (Перевод Пола Дебрецени)

The poor visitor, with the skirts of his coat torn off and a scratch on his arm, soon discovered the safe corner, but had to stand sometimes for three hours on end, squeezing himself against the wall while the fierce beast, two steps away from him, jumped, reared

itself on its hind legs, and growled, striving to reach him. (Перевод Натальи Даддингтон)

В 85% найденных нами примеров градация была сохранена, но следует учесть, что в некоторых случаях экспрессивность была выражена слабее, чем в оригинале. Наталье Даддингтон чаще удавалось передать эмоциональность высказываний.

Рассмотрев примеры, найденные нами в произведениях Пушкина, мы можем сказать, что **однородные члены предложения** при переводе всегда сохраняются:

- «Славабогу, – ворчалонпросебя, – кажется, дитяумыт, причесан, накормлен.» («Капитанская дочка»)

“Heavenbethanked,” hemutteredunderhisbreath, “the child’s kept clean, well-combed, and fed.” (Перевод Пола Дебрецени)

Наталья Даддингтон использует однородные придаточные предложения, но это не нарушает экспрессивности высказывания:

‘The child, thank heaven, has his face washed and his hair combed, and his food given him,’ he grumbled to himself. (Перевод Натальи Даддингтон)

Однородные члены предложения могут совмещаться с приемом полисиндетона:

- В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. («Капитанская дочка»)

Оба средства экспрессивности были сохранены переводчиками:

Inourfort, entrustedtoGod’smercy, therewereneitherreviews, nortraining, norpatrols. (ПереводПолаДебрецени)

In our blessed fortress there were no parades, no drills, no sentry duty. (Перевод Натальи Даддингтон)

В следующем примере однородные члены сочетают в себе элементы градации:

- Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!.. («Капитанская дочка»)

Оба переводчика передали эти средства экспрессивности:

But that a nobleman should break his oath and ally himself with brigands, murderers, and runaway serfs!... It’s a shame and disgrace to our family! (ПереводПолаДебрецени)

But for a gentleman to betray his oath of allegiance and join brigands, murderers, and runaway serfs! Shameanddisgracetoourname! (Перевод Натальи Даддингтон)

Однородные придаточные могут усиливать быстроту развития событий:

- Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. («Дубровский»)

Пол Дебрецени передает экспрессивность однородных членов без изменений:

Vladimir put the letters in his pocket, took the candle, and left the study.

Наталья Даддингтон заменяет один из глаголов деепричастием «putting», но в целом однородные члены сохраняются:

Putting the letters into his pocket, he lighted a candle and came out of the study.

Подобное можно наблюдать в следующем примере:

• Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора. («Дубровский»)

ПолДебрецени сохраняет однородные сказуемые по примеру оригинала:

Arkhip took the candle from his master's hand, found a lantern behind the stove, and lit it; both quietly descended the steps and proceeded down the courtyard.

Наталья Даддингтон в очередной раз заменяет глагол деепричастием «taking»:

Taking the candle out of his master's hand, Arkhip found a lantern behind the stove and lit it; both went quietly down the steps and walked along the yard.

Далее следует пример, где Наталья Даддингтон заменяет глагол «струсить» на существительное «flutter» – «волнение, трепет»:

• Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнес наконец: [...] («Дубровский»)

The police-captain, all in a flutter, bowed, smiled, and brought out, stammering: [...] (Перевод Натальи Даддингтон)

ПолДебрецени сохранил структуру предложения неизменной:

The superintendent winced, bowed, smiled, and said at length in a faltering voice, [...] (Перевод Пола Дебрецени)

Ниже представлен другой пример, показывающий, что однородные члены сохранены каждым из переводчиков:

• Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь во враг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. («Капитанская дочка»)

The wagon moved slowly, now gliding over a snowdrift, now falling onto a gully and keeling over on this or that side. (Перевод Пола Дебрецени)

The chaise moved slowly, now going into a snowdrift, now dipping into a ravine and swaying from side to side. (Перевод Натальи Даддингтон)

Итак, не смотря на незначительные структурные изменения в некоторых примерах, можно сделать вывод, что однородные члены как средство экспрессивного синтаксиса были сохранены во всех примерах, найденных нами.

Обращения в произведениях Пушкина очень распространены. Как правило, обращения всегда сохраняются в переводах. Это видно из следующих примеров:

• «Рано, Петр Андреич, – сказал он мне, качая головою, – рано начинаешь гулять.» («Капитанская дочка»)

“You are beginning early, Pert Andreich,” he said, shaking his head. “You are beginning to play your pranks early.” (ПереводПолаДебрецени)

‘It’s early you have taken to drinking, PyotrAndreyitch,’ he said to me, shaking his head, ‘much too early.’ (Перевод Натальи Даддингтон)

• Петр Андреич, Максимычотведет вас на вашу квартиру. («Капитанскаядочка»)

PetrAndreich, Maksimych will take you to your lodging. (ПереводПолаДебрецени)

PyotrAndreyitch, Maximitch will take you to your lodging. (Перевод Натальи Даддингтон)

• «Слышь ты, Василиса Егоровна», – сказал он ей покашливая. («Капитанскаядочка»)

“Listen, VasilisaEgorovna,” he said clearing his throat. (ПереводПолаДебрецени)

‘I say, VasilissaYegorovna,’ he began, clearing his throat,[...].’ (Перевод Натальи Даддингтон)

В данном примере для большей эмоциональности использовалось восклицание:

• «Господин прапорщик! – продолжал он, обращаясь ко мне. – Извольте объяснить нам ваше мнение». («Капитанскаядочка»)

‘Ensign,’ he continued, turning to me, ‘be so good as to give us your opinion’. (ПереводПолаДебрецени)

‘Ensign!’ he continued, addressing himself to me, ‘please give us your opinion.’ (Перевод Натальи Даддингтон)

Обращение может не заключать в себе имени того, к кому обращаются, например:

• «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени сохранил форму обращения, представленную в оригинале:

“You’re no sovereign to me, you’re a pretender and an impostor, d’ye hear?”

Наталья Даддингтон заменила обращение фразой «letmetellyou». Тем не менее, характер обращения в данном высказывании сохраняется:

‘You are not my Tsar; you are a thief and a pretender, let me tell you!’

В произведении «Капитанская дочка» можно встретить обращение рассказчика к читателю. Такой прием еще больше усиливает эмоциональность речи. При переводе обращение сохраняется:

• Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений. («Капитанскаядочка»)

Young man! If my memoirs fall into your hands, remember that the best and most enduring changes are those arising from a betterment of mores without violent shocks. (ПереводПолаДебрецени)

Young man! If my notes ever fall into your hands, remember that the best and most permanent changes are those due to the softening of manners and morals and not to any violent upheavals. (Перевод Натальи Даддингтон)

Прямая речь – еще один пример выражения экспрессивности, который часто используется в художественных произведениях:

- «Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы...» («Капитанская дочка»)

Оформление прямой речи в русском и в английском отличается: в английском языке прямую речь иногда выносят на отдельную строку, в то время как в русском языке ее просто выделяют кавычками. Пол Дебрецени в данном примере выносит прямую речь на новую строку:

«This time, too, he kept reading it, occasionally shrugging his shoulders and muttering:

“Lieutenant general! He used to be a sergeant in my platoon! Decorated with both Russian crosses! It was only the other day that he and I...”»

Наталья Даддингтон оформила прямую речь в стиле русских произведений, тем не менее, прямая речь, как видно из примера, сохраняется без искажения смысла и эмоциональной окраски:

And so my father was reading the Court Calendar, shrugging his shoulders from time to time and saying in an undertone: ‘Lieutenant-General!.. He was a sergeant in my company... a Companion of two Russian Orders!.. And it is n't long since he and I...’

Прямая речь может также выражать внутренние мысли героев:

- «Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь? – думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая *Гром победы*. – Может быть, я наконец нашел на его горячие следы, и он от нас не увернется. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава богу, это исправник». («Дубровский»)

В таком случае прямая речь тоже сохраняется в переводах:

“There can be no doubt. She has kept in touch with that damned Dubrovskii. But was she really trying to call for his help?” mused Kirila Petrovich, pacing up and down his room and angrily whistling “May thou, thunder of victory...” “But perhaps I am at last hot on his track, and from us he won’t slip away. We’ll seize the opportunity. Ha! A bell! Thank God, this must be the superintendent. [...]” (Перевод Пола Дебрецени)

‘There’s no doubt whatever: she has kept in touch with that cursed Dubrovsky. Can she really have asked his help?’ thought Kiril Petrovitch, pacing up and down the room and angrily whistling ‘Thunder of victory, resound!’ ‘Perhaps I am on his track and he

won't escape us. We'll take advantage of this opportunity... Hark! a bell! Thank heaven, it's the police-captain. [...]' (Перевод Натальи Даддингтон)

Прямая речь в переводах всегда сохраняется, хотя в некоторых случаях может оформляться не так, как в русских текстах, однако это никак не влияет на экспрессивность высказываний.

Вывод

В данной главе были проанализированы различные способы передачи средств экспрессивного синтаксиса в художественном тексте, а так же их способность сохраняться при переводе на английский язык.

Экспрессивный синтаксис может выражаться с помощью основных синтаксических средств и различных способов нарушения замкнутости предложений.

Среди основных синтаксических средств самыми часто употребительными являются эллипс и риторическое восклицание – эти художественные приемы сохраняются в 90% случаев.

Риторический вопрос, параллелизм, реприза сохраняются в 60% случаев, эпифора – в 50% случаев. Частотность использования умолчания составляет 40%.

Инверсия и анафора, согласно полученным нами данным, не сохраняется в переводах совсем.

Рассмотрев различные способы нарушения замкнутости предложений, мы пришли к следующему выводу:

Присоединительные конструкции, однородные члены предложения, обращения, прямая речь сохраняются при переводе во всех найденных нами примерах.

Градацию переводчики использовали в 85% случаев, период – в 75% случаев, асиндетон использовался чуть реже – в 60% случаев, смещение синтаксических конструкций и парцелляция были сохранены в 50% случаев. Реже всего переводчики сохраняли полисиндетон – лишь в 30% случаев.

Таких примеров, когда различные способы нарушения замкнутости предложений не сохранялись совсем обнаружено не было.

В качестве вывода можно сказать, что русский язык очень богат различными способами выражения экспрессивности, является эмоциональным языком. Передать некоторые из этих способов при переводе сложно, а иногда и в принципе невозможно по причине отличий русского и английского языков. Тем не менее, в ходе исследования было выявлено, что многие из средств выражения экспрессивности передаются в полной мере, сохраняя степень эмоциональности и не искажая смысл высказывания.

Заключение

Целью данной работы было определить, какие формы экспрессивного синтаксиса наиболее употребительны, и с помощью каких приемов осуществляется их перевод на русский язык. Исследование проводилось по произведениям Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка» и «Дубровский» и их переводам на английский язык таких переводчиков, как Пола Дебрецени и Наталья Даддингтон.

В ходе исследования было выявлено, что большинство средств выражения экспрессивности в достаточной мере сохраняются при переводе на английский язык, несут ту же эмоциональную окраску, что и в тексте оригинала, и не искажают смысл.

Примерами может служить эллипс: «Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие у приказчика, третьи у священника, четвертые у зажиточных крестьян.» («Дубровский»)

The guests began to arrive the day before the holiday. Some stayed at the manor house or in one of its wings, others were put up at the steward's, or at the priest's, or at the houses of well-to-do peasants. (Перевод Пола Дебрецени)

Visitors began to arrive on the eve of the festival; some stayed at the manor-house and the lodges, others put up at the bailiff's, at the priest's, and at the richer peasants'; [...]. (Перевод Натальи Даддингтон)

Реприза: «Воображение ее было поражено: она видела мертвого медведя и Дефоржа, *спокойно* стоящего над ним и *спокойно* с нею разговаривающего.» («Дубровский»)

It stirred her imagination: she kept seeing in her mind's eyes the dead bear, and Desforjes, as he *calmly* stood over it and *calmly* conversed with her. (Перевод Пола Дебрецени)

Her imagination was struck by the sight of the dead bear and of Deforge *calmly* standing beside its body and *calmly* talking to her. (Перевод Натальи Даддингтон)

Есть примеры, когда уровень эмоциональности снижается при переводе в результате нарушения структуры предложения и прочих факторов, но смысл сохраняется. Например, случай с градацией: «В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и добродетельных.» («Капитанская дочка»)

Пол Дебрецени перефразировал концовку предложения, тем самым нарушив градацию:

In these skirmishes the advantage was usually on the side of the villains, who set well-fed and drunk on their excellent horses.

Наталья Даддингтон максимально сохранила градацию в своем переводе:

As a rule the advantage in these sallies was on the side of the villains, who were well fed, had plenty to drink, and rode good horses.

Были выявлены случаи, когда в переводах невозможно было сохранить средство экспрессивности, использованное в оригинале, например, инверсию: «Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел.» («Капитанская дочка»)

I put down my pen, picked up my sword, and went out to him. (Перевод Пола Дебрецени)

I left my pen, picked up my sword, and went out to him. (Перевод Натальи Даддингтон)

Случаев, когда было бы совершенно невозможно передать экспрессивность, выявлено не было.

По результатам сравнительного анализа двух переводов мы пришли к выводу, что оба переводчика, Наталья Даддингтон и Пол Дебрецени, в равной степени сохраняли средства экспрессивного синтаксиса, использованные в оригинале.

При дальнейшей разработке данной темы можно провести обратное исследование и сравнить способы передачи экспрессивности при переводе с английского языка на русский.

Библиографический список

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: уч. пособие. / О. В. Александрова. - Либроком, 2009. - 216 с.
2. Арапиева Л.У. Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке: уч. пособие. / Л.У. Арапиева. - М.: Просвещение, 1985. - 406 с.
3. Ахманова О.С. Русско-английский словарь. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1947. — 284 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. / Гл. ред. М.В. Лазов. - М.: Советская энциклопедия, 1969. - 607 с.
5. Бархударов Л.С. Грамматика английского языка: уч. пособие. / Л.С. Бархударов. - М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1975. - 422 с.
6. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису: Э.М. Береговская. - М.: Рохос, 2004. - 180 с.
7. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: уч. пособие. / М.Я. Блох. - М.: Высшая школа, 1983. - 383 с.
8. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. Издание шестое, переработанное и дополненное. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
9. Ванников Ю.В. Вопросы строения предложения: уч. пособие. / Ю.В. Ванников. - Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1960. - 60 с.
10. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса: уч. пособие. / В.В. Виноградов. - М.: Изд-во МГУ, 1958. - 174 с.
11. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
12. Гак В.Г. Теория грамматики французского языка: уч. пособие. / В.Г. Гак. - М.: Просвещение, 1979. - 300 с.
13. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. Учеб.пособие. – 3-е изд. / Под ред. С. Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
14. Георгиева Е.В. Парцелляция в английском языке: уч. пособие. / Е.В. Георгиева. - М.: Наука, 1982. - 202 с.
15. Гридин В.Н. Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 591 с.
16. Жинкин Н.И. Механизмы речи: уч. пособие. / Н.И. Жинкин. - М.: Директ-Медиа, 2008. - 1104 с.
17. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: учебник для вузов. - Л.: Просвещение, 1977. - 356 с.

18. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1962. – 384 с.
19. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
20. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник для вузов. / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. - М.: Высшая школа, 1981. - 286 с.
21. Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции: учебник для вузов. / Е.А. Иванчикова. - М.: Просвещение, 2010. - 202 с.
22. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис: уч. пособие. / И.И. Ковтунова. - М.: Наука, 1976. - 240 с.
23. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты): уч. пособие. / В.Н. Комиссаров. - М.: Высшая школа, 1990. - 253 с.
24. Курилович Е. Очерки по лингвистике: авт. сборник / Е. Курилович. - М.: Тривиум, 2007. - 490 с.
25. Кэрри Г.В. Не пропусти остановку. – 1957. - 507 с.
26. Лингвистический Энциклопедический Словарь, Главный редактор В.Н. Ярцева, М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 688 с.
27. Литературная энциклопедия терминов и понятий. / Гл. ред. Л.К. Федотова. - М.: Возрождение, 2001. - 435 с.
28. Ломоносов М.В. Российская грамматика. / М.В. Ломоносов. - М.: Высшая школа, 1973. - 380 с.
29. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке: Учеб. Пособие. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 92 с.
30. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи: Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, Т. VI. - М.: Изд-во АН СССР, 1947. - 250 с.
31. Москальская О.И. Грамматика текста: уч. пособие. / О.И. Москальская. - М.: Высшая школа, 1981. - 256с.
32. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка. Учеб.пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта : Наука, 2007. – 128 с.
33. Панасюк А.П. К вопросу об экспрессии как лингвистической категории. / Вестник МГУ / А.П. Панасюк. - М.: Изд-во МГУ, 1976. - 79 с.
34. Пешковский А.М. Избранные труды. / А.М. Пешковский. - М.: Учпедгиз, 1959. - 403 с.
35. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009. — изд. 9.

36. Пospelов Н.С. О грамматической природе сложного предложения: уч. пособие. / Н.С. Пospelов. - М.: Просвещение, 2009. - 184 с.
37. Распопов И.П. Актуальное членение предложения: уч. пособие. / И.П. Распопов. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1961. - 302 с.
38. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – М.: Айрис-Пресс, 2010. – 446 с.
39. Розенталь Д.Э. Словарь лингвистических терминов. / Д.Э. Розенталь. М.А. Теленкова. / Изд. 2-е. - М.: Просвещение, 1976. - 543 с.
40. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку, Практическая стилистика. – М.: Издательский дом "ОНИКС 21 век": Мир и образование, 2001. – 381 с.
41. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
42. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации. / Под ред. О.С. Ахмановой. - М.: Изд-во МГУ, 1969. - 433 с.
43. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка: уч. пособие. / А.И. Смирницкий. - М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. - 284 с.
44. Солнцев В.М. Язык, как системно-структурное образование: уч. пособие. / В.М. Солнцев. - М.: Наука, 1973. - 380 с.
45. Стрельщиков С.Г. Явление парцелляции в английском языке: уч. пособие / С.Г. Стрельщиков. - М.: Наука, 1980. - 300 с.
46. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
47. Филонова Н.К. Парцелляция полипредикативных высказываний в современном английском языке: Дис... канд. филол. наук. / Н.К. Филонова. - М.: 1985.
48. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. / Ф.Ф. Фортунатов. - М.: Наука, 1960. - 450 с.
49. Хаджов И.А. Просодия и парцелляция: уч. пособие. / И.А. Хаджов. - М.: Высшая школа, 1968. - 198 с.
50. Чуковский К.И. Высокое искусство. / К.И. Чуковский. - М.: Авалонь, 2008. - 448 с.
51. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка: уч. пособие. / А.А. Шахматов. - М.: УРСС, 2007. - 190 с.
52. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 192 с.
53. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике [Текст] // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство / В. И. Шаховский. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 677 с.

54. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации: уч. пособие. / А.Б. Шапиро. - М.: Просвещение, 1974. - 205 с.
55. Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка: уч. пособие. / Д.А. Штелинг. - М.: МГИМО, 1996. - 254 с.
56. Щерба Л.В. Пунктуация: уч. пособие. / Л.В. Щерба. - М.: Высшая школа, 1979. - 400 с.
57. «Википедия», интернет-энциклопедия.
58. vrnguide.ru – интернет-сайт «Воронежский гид», Биографический словарь.
59. refdb.ru – интернет-сайт, «Чеховский вестник №23».